ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
ПРИГРАНИЧЬЕ
ПАВЕЛ КОРНЕВ
ЧЕРНЫЕ СНЫ

Павел Николаевич Корнев

Черные сны

Серия «Приграничье», книга 3

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162655
Чёрные сны: Альфа-книга; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0049-2

Аннотация

Приграничье – провалившийся в края вечной стужи кусок нашего мира. Забытое Богом и проклятое людьми место, где правит бал магия, а серебро ценится куда выше золота. Обычный парень по прозвищу Лед – один из немногих, кто смог перейти Границу и вернуться в нормальный мир. Вот только не придется ли ему в скором времени вновь распахнуть дверь в зиму?

Содержание

Пролог 4
Часть первая 21
Глава 1 21
Глава 2 63
Глава 3 109
Глава 4 165
Конец ознакомительного фрагмента. 176

Павел Николаевич Корнев
Чёрные сны

Новую кровь получила зима,
И тебя она получит,
Ну, а классовая борьба
И тебя она получит…

«Агата Кристи»

Пролог

Осень умирала.

Даже не так – осень готовилась испустить последний вздох.

И пусть пока еще заканчивалась только вторая неделя ноября, уже не оставалось сомнений, что не сегодня завтра ее предсмертное дыхание обернется выпавшим поутру снегом. Снегом, который больше не превратится в грязную слякоть под выглянувшим из-за туч солнцем. Снегом, который пролежит до столь далекой весны.

Да и вечерело уже по-зимнему рано – еще и семи нет, а уличную темень толком не могут разогнать ни выстроившиеся за окном фонари, ни яркие витрины дорогих магазинов. Ветер теребит деревья, на ветвях качаются скукоженные бу-

ро-желтые листья, и их тени темными пятнами бегают по замощенному разноцветной плиткой тротуару.

Темно, холодно, противно. Тоска зеленая…

Вот выпадет снег и все изменится. Город повеселеет и вновь станет по вечерам светлым и нарядным. Люди перестанут использовать любую возможность, чтобы быстрее убраться с темных улиц и дворов в такие уютные квартирки. На главной площади примутся строить ледовый городок, привезут ель, и начнется ненапрягающая предновогодняя суета.

Да, все изменится. Для всех. Только не для меня.

Завтра выпадет снег, мы вернемся домой,
Серый иней укроет озя-а-абшие души,
Завтра выпадет снег, но что мне с того –
Если кровь холодна, если кровь холодна,
А тоска режет душу…

Меня передернуло, я поставил кружку с пивом на столик и отвернулся от окна, нижняя часть которого была забрана желто-зеленой мозаикой.

Не-на-ви-жу!

Ненавижу холод, снег, лед и темные зимние вечера. Ненавижу обжигающе-пронзительный ветер, гололед и низкие свинцовые тучи. И даже серебром сверкающий поутру иней ненавижу ничуть не меньше.

Отхлебнув черного горького пива, я в очередной раз по-

пытался успокоиться. Чего распсиховался-то? Снег выпадает каждую зиму. Это нормально, непреодолимо и, в конце концов, с этим придется смириться. По крайней мере, до тех пор, пока не будет денег на ежегодный отпуск в теплых краях протяженностью месяцев эдак в шесть. А этого в обозримом будущем не предвидится.

Допив пиво, я подозвал официантку и попросил повторить – как ни крути, сейчас просто необходимо немного расслабиться. Горькое послевкусие приятно щекотало язык, и с каждым глотком накопившиеся за рабочий день раздражение и усталость понемногу отпускали. Вот только дело вовсе не в работе – сегодня ночью опять приснился, казалось, навсегда позабытый сон, и настроение было ни к черту с самого утра.

Как там говорят? Сон в руку? Нет, на хрен такие сны не нужны. Ни к чему мне воспоминания ни о заснеженном поле, ни об ослепительных лучах прожекторов. Но оставшийся от ночного кошмара противный привкус собственного бессилия полностью не могло перебить даже великолепное пиво.

Да, что-то у меня нервишки в последнее время сдавать начали. А когда снег выпадет, что будет? Совсем крыша поедет? И так ведь все время чудится, будто из темноты кто-то в спину пялится. С нехорошим таким интересом пялится, недобрым. До того дошло – просто по улице иду и невольно прикидываю, кто из встречных ледяным ходоком оказаться

может. А людишки какие-то все больше серые попадаются, неприметные. Никакие, можно даже сказать. Отвернешься и лиц уже не вспомнишь. Так и вертится на языке слово – нежить. Вот надоест им притворяться и слезет эта серость, как змеиная шкура, а под ней…

«Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша»…

Нет, надо выбивать из конторы отпуск недели на две и ехать отдохнуть куда-нибудь к теплому морю. На большее моих изрядно ослабленных покупкой квартиры и двумя месяцами отдыха в Сочи финансов уже не хватит. Да и насчет отдыха – совсем не факт. Если только срочно причину для командировки на юг придумать…

Прикрыв глаза, я откинулся на спинку стула и тихонько рассмеялся. Ну что я за человек такой? Вечно всем недоволен. Казалось, смог вырваться в нормальный мир, живи и радуйся. Наслаждайся жизнью. Так нет – как обычно ложка дегтя поблизости маячит.

Да и жизнь в нормальном мире оказалась не сахар. Деньги прошуршали прямо-таки сквозь пальцы, и пришлось срочно устраиваться на работу, друзья старые куда-то запропастились, теперь вот снег еще…

Да уж, запропастились – не то слово. Из старой компании нашел только одного, да и с тем пересеклись за это время всего пару раз – то у него дела, то я занят. С остальными и того хуже – двое на кладбище, третьего на пятнадцать лет в том году закрыли. Такие вот пироги.

А тут еще старые страхи в снах надумали возвращаться. То Хранитель, чтоб ему пусто было, приснится, то Крис мертвый с ножом. Хорошо хоть живу один – криков никто не пугается.

Ладно, хватит голову себе всякой ерундой забивать! Что было, то прошло. А если разобраться, то и не было ничего вовсе.

Ничего. Никогда. Не было.

Точка.

Но чего ж так паскудно сегодня на душе?

– Здравствуйте, Александр Сергеевич! Какими судьбами? – Задумавшись, я и не заметил, как рядом со столиком остановился заместитель, а по совместительству еще и сын генерального директора конторы, в которой мне приходилось зарабатывать себе на хлеб насущный последнюю пару месяцев. – У тебя ж на сегодня спортзал по расписанию?

– Ты тоже в театр вроде собирался, – хмыкнул я и допил пиво. С Артемом Морозовым мы сошлись на почве совместного употребления алкоголя и кое-каких мероприятий оздоровительного характера, а поэтому давно уже общались без излишнего официоза. Тем более что и разница в возрасте как таковая отсутствовала – сын генерального был младше меня всего на год.

– А я и сходил! – гордо заявил Морозов. – А после сюда. Пошли, у нас столик уже заказан, я машину на стоянку от-

гонял.

– Ты с кем? – Поднявшись со стула, я отсчитал в принесенную официанткой книжечку сторублевые купюры и убрал ее на край стола.

– Там Маринка с Анькой и Андрей Сим. Ну, ты его видел, он к нам заходил пару раз в качок.

– Толстый, что ли? – Имена девушек мне ни о чем не говорили, да и Андрея я запомнил только из-за, мягко говоря, пухлого сложения.

– Ага, он, – усмехнулся Морозов, который тоже худеньким не был, но благодаря постоянным тренировкам в спортзале, поддерживал себя в очень приличной форме.

– Не помешаю? – засомневался я. Соотношение мальчик-девочка, мальчик-девочка несколько настораживало. Как бы лишним в компании не оказаться. Не люблю.

– Да ладно ты, пошли! – махнул рукой Артем. – Че как маленький?

– Пошли так пошли. – Сняв со спинки стула пиджак, я накинул его на плечо и нетвердой походкой направился вслед за Морозовым. Ух, вроде всего три кружки пива выпил, а в голову как-то не по-детски дало.

Блин, у меня ж куртка здесь осталась!

Вернувшись к стоявшей в углу вешалке, я подхватил под мышку черную кожаную куртку и подошел к остановившемуся у длинной стойки бара Артему:

– На стрельбище едем завтра?

– А то! – оживился Морозов. – С утра никуда не теряйся, я за тобой заеду. Постреляем по тарелочкам. Баню заказали уже.

– Много народу собирается? – Субботние поездки на полигон за последнее время стали делом традиционным и, надо сказать, среди приятелей Артема весьма популярным. Хотя большинство наверняка ездило именно из-за бани и возможности оттянуться в подходящей компании.

– Как обычно, – остановившийся Морозов подтолкнул меня к угловому столику. – Знакомьтесь, это Александр. Наш лучший снабженец. Прошу любить и жаловать. Марина, Аня, ну а с Андреем вы уже знакомы.

– Здрасте, – кивнул я двум симпатичным девушкам и пожал руку Андрею, который нельзя сказать чтобы сильно обрадовался прибавлению в компании. Меня это, впрочем, волновало мало. А если начистоту, то не волновало вовсе.

– Привет, привет, – заулыбалась Марина, невысокая брюнетка в длинном вязаном платье, и, оглядев меня с головы до ног, подмигнула: – Готы форева?

– Можно и так сказать. – Я не сразу сообразил, что имеет она в виду. Дело оказалось в одежде – черные футболка, джинсы, куртка, шарф, ботинки и выглядывающие из кармана кожаные перчатки вполне могли ввести в заблуждение незнакомого со мной человека.

– «Завтра – отличный день, чтобы сдохнуть», – прочитала составленную с помощью «вырезанных» из газетных за-

головков букв надпись на моей футболке вторая девушка. В отличие от подруги наряженная вовсе не самым подходящим для посещения театра образом – между обтягивающим топом и украшенным стразами ремнем рваных джинсов оставался приличный зазор – Аня оказалась высокой крашеной блондинкой с весьма впечатляющими формами. Валькирия, да и только. Да и черты лица явственно чем-то северо-европейским отдают. Хотя антрополог из меня тот еще…

Ничего не ответив, я кинул пиджак на спинку стула и развернулся к вешалке – повесить куртку.

– «Завтра не наступит никогда». – Теперь Аня озвучила слоган у меня на спине. – Это жизненная позиция?

– Девиз, – буркнул я и вернулся к столу.

– Знаете, Александр, – неожиданно промурлыкала черненькая Марина, – с длинными волосами вы смотрелись бы более… стильно.

«Да ну нах», – чуть было не ляпнул я, но, сдержавшись, только провел ладонью по лысине.

– Ну ты, Маринка, скажешь! – рассмеялась Аня. – Вот если воском покрыть и отполировать…

– Татуировку где делал? – не стал отставать от девушек теребивший манжеты джинсовой рубахи Сим.

– На Севере, – выложил я чистую правду и выразительно посмотрел на старательно скрывавшего улыбку Морозова. Тот пожал плечами и окликнул проходившую мимо официантку.

– А это все что-нибудь значит? – пристально уставился Андрей на покрывавшие мое правое предплечье черные узоры, в которые была искусно вплетена вязь странных символов и непонятных письмен.

– Без понятия, – буркнул я и отвернулся к окну. На мое несчастье оно выходило во двор, и темная хмарь ноябрьского вечера лишь окончательно испортила настроение.

– Девушкам по «Маргарите», мы с Андрюхой, как обычно, по вискарику вмажем, – Артем замолчал и выжидательно посмотрел на меня. – Ты, Сань, как?

– Пиво. Больше не надо ничего – перекусил уже.

– Понятно, – кивнул Морозов и начал диктовать подошедшей официантке заказ.

– Я тут подумала, Александр, – стрельнула на меня глазками Марина, – если уж вы что-то имеете против длинных волос, хоть надпись на футболке более подходящую сделать можете.

– Например? – ожидая подвоха, все же поинтересовался я.

– Как вариант, спереди: «Хочешь сдохнуть – спроси меня как!», а сзади: «Хочешь жить – убей в себе любопытство!»

Аня прыснула со смеху, Андрей фыркнул, и только неплохо успевший изучить меня Морозов тихонько постучал ладонью по столу:

– Ну, все, хватит. Чего пристали к человеку?

– Да мы так, чисто профессионально. Ничего личного, – щелкнула зажигалкой Анна, достав из пачки длинную тон-

кую сигарету.

– О? И кто же вы по специальности? – не стал упускать возможности сменить тему разговора я.

– Психологи, – выпустила струю дыма девушка.

– Учимся, – поправила ее Марина и накрутила на палец золотую цепочку с украшенным зелеными самоцветами кулоном.

Я только хмыкнул, но в свою очередь залезть под кожу не успел – принесли коктейли, виски и пиво. Ну а дальше уже пошло по накатанной. С алкоголем вообще беседу поддерживать проще. Сидишь себе пивко попиваешь, есть желание – байки травишь, нет – изредка реплики в разговор вставляешь. На крайний случай – тупо отмалчиваешься и пиво халкаешь.

Сначала обсудили последние киноновинки, потом послушали заспоривших о политике Артема и Андрея, а заодно узнали несколько ходивших среди студентов свежих анекдотов. Так что к моменту, когда принесли заказанный Морозовым ужин, я с помощью влитого в себя литра пива почти успокоил расшалившиеся нервы. Но именно что – почти…

Из гостеприимного заведения мы, изрядно поддатые, вывалились уже перед самым закрытием. На улице ощутимо похолодало, но я даже не стал поднимать воротник – не замерзну. Два с половиной литра пива как-никак на грудь принял, если что – согреют.

– Куда сейчас? – развернулся я к остановившемуся на крыльце Морозову.

– Девушек проводим, тут недалеко, и по норам. – Артем застегнул молнию спортивной куртки и выдохнул заклубившийся паром воздух.

– Может, зайдете? – предложила взявшая его под руку Аня.

– Не, у нас завтра традиционный заезд на стрельбище, – подумав, все же отказался Морозов и направился по освещенному фонарями тротуару в сторону центра города.

– А на воскресенье у вас какие планы?

– Послезавтра мы будем не менее традиционно болеть с похмелья, – усмехнулся Артем и повернулся ко мне. – Слушай, Сань, давай тогда в понедельник на дэнс на всю ночь завалимся?

– Иди ты, – послал его я. – Это у тебя здоровья, как у лошади, а мне на работу с утра. Да и на тренировку вечером. Потом лучше в бассейн пойду.

– Какой ты правильный, аж противно, – скорчил гримасу Морозов. – Вы только посмотрите на него: понедельник, среда, пятница – спортзал и бассейн; вторник, четверг – тренировки и сауна.

– Спорт наш друг? – хихикнула Аня.

– Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет, – так же не смог промолчать доставший сигареты Андрей.

– А что за тренировки? – заинтересовалась зябко кутав-

шаяся в коротенькую шубейку Марина.

– Рукопашный бой, – ответил я и едва не споткнулся, наступив на развязавшийся шнурок. – Твою мать!

– Давайте быстрее! Взмерз уже, как Маугли, – обернулся обнявший подругу Артем и сошел с тротуара.

Не дожидаясь, пока я завяжу шнурок, мои спутники свернули в ведущий к дому девушек темный проулок. И меня это вполне устраивало – а то бы опять дурацкие расспросы начались. Зря Морозова послушал, надо было пропустить коньяку соточку и домой валить. Да ладно, чего уж теперь. Посидели вроде неплохо.

Так что, завязывая шнурок, я не особенно и торопился – пусть себе дальше милуются. Выпрямившись, немного постоял, ожидая, пока перестанет кружиться голова, и лишь после этого направился вслед за остальными. А когда свернул за угол, на мгновенье просто обомлел, до того происходившее напоминало одно из жутковатых воспоминаний, коими было богато мое не столь отдаленное прошлое.

Отскочивший к стене пятиэтажки Морозов пытался отмахаться от двух наседавших с ножами в руках парней, его сбитая с ног подруга валялась на тротуаре, а скрючившегося Андрея забивали обрезками арматур еще трое подонков. Только сейчас завизжавшая Марина бросилась наутек, но, как ни странно, на нее никто даже не обернулся.

Пятеро. Все в кожаных куртках, трениках и черных вязаных шапочках. Обычный гоп-стоп? Не думаю – простая го-

лытьба так нагло ножи в ход не пускает. Не в минуте ходьбы от центра города и оживленных улиц, где ментов как грязи. Это не спальные районы, которые только изредка ОМОН да трезвяк объезжают.

Изрядно замутненное алкоголем сознание захлестнул выброс адреналина и я, не задумываясь, бросился вперед. А с другой стороны – чего тут думать-то?

Прежде чем окучивавшие уже получившего несколько глубоких порезов Морозова парни обернулись на звук моих шагов, я перепрыгнул через невысокое ограждение газона и со всего маху впечатал подошву ботинка в бок перекинувшего нож в левую руку крепыша. Тот только сипло хакнул и отлетел к стене дома. Его приятель махнул пером, но мне удалось перехватить его запястье. Рывок, подсечка и потерявший равновесие парень плюхнулся на землю, а нож сам собой оказался у меня в ладони.

Сбоку метнулась смазанная тень, я присел, пропуская над головой арматурину и, прежде чем осознал, что делаю, вогнал узкое лезвие ножа меж ребер не успевшему затормозить парнишке. Да хорошо так загнал, по привычке – наглухо.

Вот только погоревать по этому поводу времени мне не оставили – в спину ударило что-то холодное и, теряя сознание, я повалился на пожухлую траву газона.

– Что с ним?

– Проникающее ножевое, но ничего серьезного не задето.

– Когда в себя придет?

– Да по идее давно уже должен был.

Я открыл глаза и уставился в белый, испещренный многочисленными трещинами потолок. Ух, как мне хреново-то. Ничего серьезного, говорите, не задето? Что-то ни фига не похоже. Или меня еще потоптать успели? Странно, что вообще не убили.

– Привет, Санек. – Заметив, что я открыл глаза, подошел к койке один из находившихся в больничной палате мужчин. А больничной ли? Окна-то решетками забраны. Как там у Высоцкого? «В тюрьме есть тоже лазарет»? – Вы нас ненадолго оставите?

– Разумеется. – Незнакомый мне мужик в застиранном белом халате кивнул и, выйдя, плотно прикрыл за собой дверь.

– Здрасте, Степан Кузьмич, – прохрипел я и попробовал приподняться на локтях. Спину тут же пронзила острая боль, и пришлось повалиться обратно. Но что остальные кровати в комнате пустые – заметить успел. К чему бы это?

– Ты лежи, лежи, – похлопал меня по плечу начальник службы безопасности нашей конторы Степан Кузьмич Прорехов.

– Лежу, – не стал спорить я. – С Морозовым что?

– А что с ним? Пару швов наложили да домой отпустили. Вот подруга его в реанимации, Сим, тот и того хуже – в морге.

– … – только и выдохнул я.

– Полностью с тобой согласен. – Безопасник взял один из стоявших у стены стульев, переставил его к кровати и, усевшись, пристально посмотрел мне в глаза. – Ну а теперь рассказывай, что там у вас стряслось.

Я причин запираться не видел, а потому ничего приукрашивать не стал. Молча выслушавший мой рассказ Прорехов о чем-то надолго задумался, встал со стула и несколько раз прошелся по комнате.

– Занятно, – наконец тихонько пробурчал себе под нос Степан Кузьмич. – А вот оппоненты ваши на допросе в ментовке все с точностью до наоборот рассказали. Будто это вы их первыми всяко-разно оскорблять стали и с кулаками накинулись.

– Да кто их слушать станет?

– Ты не сомневайся, кому надо – выслушает, – огорошил меня Прорехов. – У них тоже один холодный в морге остывает. Очень уж ты его качественно порезал.

– Это была самооборона, – ухватился за единственную ниточку я. – Артем и девчонки это подтвердят.

– Артем – да. А на девиц не рассчитывай. Им пальчиком погрозят – сразу голос пропадет. Да и не дожить тебе в СИЗО до суда.

– Как так? – не на шутку встревожился я.

– У генерального трения с серьезными людьми, они пехоту и послали акцию устрашения провести. И то, что ты одного из них на тот свет отправил – без последствий остаться

не может. А то уважать перестанут.

– Весело. – Я прикрыл глаза и попытался сосредоточиться. – Не прикроете?

– На свободе – легко, да только тебя отсюда прямиком в СИЗО отправят.

– А где я, кстати?

– В областной.

Вот вляпался! Только-только жизнь наладилась. И что делать? В бега ударяться? А дальше? Всю жизнь от ментов бегать? Да и удастся ли отсюда свалить? Не факт, что вообще на ноги встану. Есть, конечно, один вариант…

Непонятно откуда взявшаяся уверенность, что мне достаточно лишь позвонить – и компаньоны странного проповедника Доминика решат все проблемы, вызвала холодный озноб. Просто позвонить – и можно будет помахать ручкой и ментам, и уголовникам. Вот только за все в этой жизни приходится платить. И даже гадать не надо, какую цену назначат спасители – им я интересен только по одной простой причине…

Нет! Не хочу! Только не обратно!

Но страшненькая мысль билась внутри черепа и никак не желала пропадать: «Звони! Звони! Звони!»

И ведь позвоню. Выбора-то нет. Не подыхать же здесь. Не подыхать…

Я попытался вспомнить записанный на спичечном коробке номер телефона и неожиданно понял, что не смогу на-

звать ни одной цифры. Времени-то сколько уже прошло! Забыл давно. Рисунок на этикетке и тот в памяти не отложился, не то что номер.

Меня даже немного отпустило. Ничего, даст бог, сам выкручусь. Не впервой. Надо только Прорехова по полной программе раскрутить…

«Прочитай…» – ледяной иглой уколол в основание черепа раздавшийся в голове спокойный голос Доминика.

Пальцы вновь ощутили шероховатость этикетки и, с ужасом осознавая, что в моей памяти приоткрылась какая-то неприметная дверца, я вслух произнес десять цифр. Три – код города, еще семь – сам номер.

Из больницы меня забрали ровно через четыре с половиной часа.

Часть первая
В зиму

То ли это смех,
То ли это крах,
То ли страх вернуться в пустоту.
Стало что-то не так как будто,
Снова дверь прикрыл кондуктор,
И о стекла бьется ветер.

Ветер холодом закует сердца.
Роса выест глаза солью.
И нельзя ни кричать, ни молчать —
Можно разорванным ртом харкать кровью.

«Агата Кристи»

Глава 1

Оплавленный пластик неприятно уколол пальцы, но закопченная малолетними вандалами кнопка вызова лифта заела и никак не желала нажиматься. В раздражении долбанув ладонью по железной панели, я прислонился плечом к разрисованной выведенными через трафарет объявлениями стене и тихонько выругался.

Черт!

Ну почему все ломается именно тогда, когда больше всего необходимо?

Придется тащиться пешком. Высоко, но другого выхода нет.

Со злости вновь долбанул по кнопке, и где-то наверху надсадно загудел мотор лифта. Вот только радость моя длилась недолго: почти сразу же хлопнула подъездная дверь. Насторожившись, я прислушался и уловил медленные шаги неторопливо поднимавшегося по лестнице человека.

Меня аж испарина пробила – не должно здесь никого быть! Точно уверен – не должно. А значит это по мою душу…

Прошипев сквозь зубы проклятие, я принялся лихорадочно рыться по карманам, и немного успокоился лишь после того, как пальцы нащупали рукоять нагана. Ну нет – мы еще повоюем!

Только вот заряжен ли наган? Прокрутил барабан и с досады даже матернулся – пусто.

Меня вновь пробил холодный пот, и я начал по второму кругу перетряхивать карманы. Ну и где патроны? Точно помню – во внутреннем кармане должны быть. А тут только мелочь, ключи, бумажки какие-то…

Ага, есть что-то!

Напряженно всматриваясь в темень подъезда, в котором, как назло, не горело ни одной лампочки, я сдвинул окошко на правой стороне рамки нагана и вслепую принялся встав-

лять патрон в барабан. Но то ли руки дрожали, то ли опыта было маловато, да только справиться с этой пустяковой вроде бы задачей никак не получалось.

Ну же – давай! Что за дела?

Чертыхнувшись, я опустил взгляд и с недоумением уставился на зажатый в руке пластиковый цилиндр патрона двенадцатого калибра.

Что за чертовщина?!!

Голова клюнула – вздрогнув, я проснулся и оглядел приемную, в которой ненароком задремал. Впрочем, за мгновение моей отключки здесь ничего не изменилось, разве что чем-то озадаченный дюжий секретарь-референт с некоторым удивлением посматривал в мою сторону. Не привык, что посетители себя ведут столь непотребно? Наверняка.

А нечего было тогда такие кресла удобные заказывать. Хотя я и на табуретке задремать мог в легкую. Три недели, считай, нормально выспаться не дают. Да и кабинетов я этих столько за последнее время обошел… У меня их хозяева уже в печенках сидят, и это самое малое. Допросы еще эти бесконечные. Ладно, хоть анализами только первую неделю мучили.

Что интересно – нигде никаких табличек с фамилиями и должностями. Вот и выходит, что столько времени тут кантуюсь, а даже малейшего представления не имею, куда угодить довелось. Нет, поставь меня в известность о чинах да

должностях собеседников, глядишь, сейчас бы не в кресле развалился, а скромненько в уголочке по стойке смирно стоял. Судя по всему, секретарь от меня такой реакции и ожидал.

А вот хрен! Не дождетесь. Я вам пока больше нужен, чем вы мне. Честно говоря, вы мне уже до лампочки. Из больнички вытащили, вот и ладно. Только, чую, одним спасибом не отделаться. Не прокатит. Не те люди мной заинтересовались. Мы еще только разговоры разговариваем, а они уже все кишки вымотали. Что же тогда дальше будет?

У секретаря пискнул селектор; не поднимая трубки, он подошел ко мне и выложил на низенький стеклянный столик две тоненькие книжицы, чистый лист бумаги и карандаш.

– Это еще что? – Я щелчком откатил карандаш на противоположный край столешницы.

– Тесты. – Секретарь хмуро покосился на меня, поправил узел яркого галстука и указал на брошюру с серой обложкой. – Если отвечаете на эти вопросы утвердительно – переписываете номер вопроса на лист. Ко второй части теста прилагается таблица для заполнения. Все ясно?

– Угу, – пробурчал я и открыл книжицу на последней странице. Ешкин кот! Девятьсот девяносто девять вопросов! С ума сойти. И во второй столько же! Может, послать их? Нет, ни к чему лишний раз на неприятности нарываться. Как бы оно потом боком не вышло.

Вздохнув, я взял карандаш и принялся отвечать на вопро-

сы первого теста, но уже на десятом пункте задумчиво почесал карандашом кончик носа и уставился на секретаря. Тот как ни в чем не бывало разговаривал с кем-то по телефону и не обращал на меня ни малейшего внимания.

«Я никогда не удовлетворял свои сексуальные потребности необычным способом».

Забавно. И какие, интересно, способы составители теста относят к «необычным»?

Отложив карандаш, я начал бегло просматривать вопросы и то и дело хмыкал себе под нос.

«Я хожу в туалет не чаще других».

«Мой кал никогда не бывает черного цвета».

«У меня никогда не было проблем с законом».

«Если мужчина остается наедине с женщиной, то все его мысли связаны с ее полом».

«Я часто испытываю потребность кого-нибудь ударить».

«В юности я промышлял мелкими кражами».

«Меня часто тошнит».

Нет, конечно, безобидно-стандартных вопросов было гораздо больше, но тон все же задавали именно эти нелепые утверждения. И чего составители хотели этим добиться? Проверяют состояние психики и умение контролировать эмоции? Тараканов в башке пытаются отловить? А смысл? И без всяких тестов должно быть видно, что желание дать кому-нибудь в морду посещает меня постоянно. Или перед

беседой намеренно собираются вывести из себя? Ну что ж, посмотрим.

На заполнение предложенных форм и ответы на дурацкие и не очень вопросы ушло часа два, не меньше. А когда я со вздохом облегчения только откинулся на спинку кресла, встрепенувшийся секретарь указал на обтянутую черной кожей дверь:

– Проходите.

– Давно пора, – пробурчал я себе под нос и, поднявшись на ноги, одернул светло-серые казенные брюки и такой же расцветки рубаху навыпуск. На фоне донельзя официальной обстановки вид у меня был, надо сказать, весьма разгильдяйский. Еще и полуботинки эти на мягкой подошве. Как хиппи какой, честное слово.

За дверью оказался просторный кабинет, единственное окно которого закрывали жалюзи. Под потолком висела простенькая на вид люстра, на полу ковровое покрытие. Прямо напротив двери два соединенных буквой «Т» массивных стола, больше никакой мебели не наблюдалось вовсе. Даже непременных шкафов, заставленных ровными рядами толстых папок, и тех не было.

На одной стене портрет всенародно избранного и всенародно же любимого, на противоположной – золотой двуглавый орел. Но можно ли на основании этого сделать вывод, что я нахожусь в госучреждении? Черта с два! Портреты нынешнего президента где только не вешают. Нет, это еще ни

о чем не говорит.

Как ни о чем не говорит и одежда собравшихся в кабинете людей, которые сосредоточенно перебирали подшитые в скоросшиватели листы. В самом деле – серые и темно-синие костюмы, спокойных расцветок сорочки и в тон им галстуки одинаково подходят и банкирам, и чиновникам, не говоря уже о собравшихся на деловую встречу предпринимателях. Вот только на некоторых дорогие костюмы сидят как седло на корове, и этот факт наводит на определенные раздумья.

– Присаживайтесь, – указал на свободный стул занимавший место во главе стола хозяин кабинета и вновь принялся просматривать содержимое черной кожаной папки.

Я молча прошел по пружинившему под ногами ковровому покрытию, выдвинул стул и, усевшись, оглядел присутствующих. Шесть человек. Все мужчины. Всем, кроме одного, далеко за сорок. Больше ничего общего среди начавших без особого интереса посматривать в мою сторону людей обнаружить не удалось.

Трое в очках, остальные без. Хозяин кабинета и единственный среди присутствующих парень, которому нет и тридцати пяти, сложения крепкого, остальные впечатления хлюпиков тоже не производят, но и только. Пепельницы стоят перед тремя, чай минералке предпочли двое. Такая вот картина вырисовывается. Ни фига не понятно, короче говоря.

– Леднев Александр Сергеевич? – Отложив в сторону бу-

маги и убрав в кожаный футляр очки, непонятно для чего уточнил хозяин кабинета.

– Да, – односложно ответил я и замолчал, ожидая продолжения.

– Тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения?

– Да.

– До две тысячи второго проживали в Ямгороде?

Я только кивнул.

– Вы утверждаете, что провели три года в некоем месте, именуемом Пограничье?

– Приграничье, – поправил я хозяина кабинета. – Да, у меня сложилось такое впечатление.

– Сложилось впечатление? – долив себе в стакан минеральной воды, язвительно поинтересовался сидевший слева от меня лысоватый мужичонка лет пятидесяти и потряс листами с распечатками допросов. – То есть все это может оказаться вашим бредом?

– Легко, – подыграл ему я.

– А с какой стати нам тогда было тебе помогать? – нахмурился разместившийся по правую руку от хозяина кабинета парень и угрюмо уставился на меня своими бесцветно-голубыми глазами. На фоне остальных он как-то не смотрелся. Слишком молодой, слишком резкий. Да и короткий ежик светлых волос и сбитые костяшки пальцев с дорогим деловым костюмом не сочетались.

– От доброты душевной. – Мне ничего не оставалось, кро-

ме как нагло ухмыльнуться в ответ.

– Владимир Николаевич, мы несколько отклонились от темы разговора, – остановил уже открывшего рот парня хозяин кабинета. – Как следует из вашего рассказа, большую часть этих трех лет вы находились в населенном пункте под названием Форт?

– Это так, – без неуместных шуточек ответил я, придя к выводу, что лишний раз нарываться на неприятности не стоит.

– Откуда же там взялся целый город?

– Как говорят – провалился из нашего мира. Сам я при этом, как понимаете, не присутствовал.

– Город целиком? И здесь никто не заметил? Разве такое возможно? – вновь встрял в разговор плешивый.

– А вот это уже вам видней должно быть, – хмыкнул я.

– И кто же управляет этим самым Фортом? – не обратил внимания на скрытую в моем ответе подначку сидевший во главе стола мужчина.

– Городской совет. – Оглядев смотревших на меня со смесью настороженности и недоверия людей, я продолжил. – В него входят Дружина, Гимназия, Братство, Торговый союз и Сестры Холода.

– Дружина – это отряды самообороны?

– С этого начиналось, – вздохнул я. – Теперь Дружина что-то среднее между армией и ментовкой. Силы правопорядка, так сказать.

– Кто ею руководит?

– Воевода. Говорят, он еще в прежней жизни в горотделе каким-то чином был.

– Торговый союз – объединение торговцев?

– Да. Финансами всеми они крутят.

– И кто у торговцев за главного?

– Раньше там все внутренний совет решал, но теперь вроде некто Гиоргадзе всех под себя подмял.

– Сестры Холода, или, как их еще называют, Лига – радикально настроенная феминистская организация?

– Что-то типа того. – После недолгих раздумий мне показалось, что это определение ничем не хуже других. Все одно – никто не знает, что такое Лига на самом деле. И из какого источника ведьмы черпают свою силу – тоже. – Кто там рулит – неизвестно.

– Братство?

– Военизированное объединение, основной идеологией которого является неприятие огнестрельного оружия, – по памяти процитировал я висевший в тренировочном зале Ордена плакат. – Официальный глава Гроссмейстер. Фамилию запамятовал. Скворцов вроде.

– И чем же они вооружены: луками и мечами? – ухмыльнулся один из моих собеседников.

– И этим тоже. Плюс – на них работают чародеи.

– Чародеи? – не удалось сдержать кому-то смешок.

– А гимназисты – это колдуны? – порывшись в листах,

уточнил молодой парень. – И за главного там бывший директор городской гимназии номер один Герман Бергман?

– Да.

– Вы всерьез утверждаете, что в Приграничье действует магия? – заинтересовался плешивый.

– Да.

– И многие обладают такими способностями?

– Не очень. Хотя колдунов в последнее время прибавилось.

– А вы сами?

– Нет, – почти не соврал я.

– Очень интересно, – прищурился непонятно отчего насторожившийся хозяин кабинета. – У нас сложилось мнение, что так называемая Гимназия весьма заметно продвинулась на пути вербовки и экспресс-обучения людей с зачатками паранормальных способностей.

– Пожалуй, вы правы… – впервые взглянув на ситуацию с этой точки зрения, пришлось согласиться мне. Вот и Жан, покойничек, о чем-то подобном говорил.

– Получается, у них должны иметься отлаженные методики отбора и унифицированного обучения изначально весьма разношерстных по своим способностям индивидуумов.

– Получается, что так… – вновь промямлил я, пытаясь сообразить, к какой мысли меня пытаются подвести.

– А откуда они могли взяться – эти методики? Провал в другой мир был спонтанным. – Хозяин кабинета вновь надел

очки и пристально уставился на меня. – А уже через несколько лет вдруг появляются работающие схемы по обучению колдовству и даже целые сборники заклинаний.

– Ну говорят, Бергман и до этого оккультизмом занимался, да и времени прошло уже немало: больше пятнадцати лет как-никак.

– Не вариант, – покачал головой плешивый и сделал какую-то пометку на лежавшем перед собой листе. – Вы утверждаете, что никакими паранормальными способностями не обладаете, тогда каким образом смогли вернуться обратно? Ведь это же считается невозможным?

– А мне небезызвестный вам Доминик помог, инструкцией кондуктора своего снабдил, – гораздо уверенней почувствовал себя я, отвечая на вопрос, которого ожидал с самого начала. – Врожденные способности к этому делу, должно быть, оказались.

– Кондуктор – это тот, кто способен ходить через Границу в обе стороны? – уточнил плешивый.

– Да.

– Другие крупные населенные пункты в Приграничье имеются? – резко сменил тему названный Владимиром Николаевичем парень.

– Североречеснск и Город, – ответил я, приметив промелькнувшую по лицу плешивого тень досады. – Североречеснск – это небольшой городок размером с Форт, Город – бывшая военная база откуда-то с Дальнего Востока. Есть еще

Туманный, но, говорят, там в первый год все вымерзли.

– Почему же до сих пор не создано единое государство? – начал листать свои заметки плешивый.

– А кому это надо? Да и между областями границы остались – что-то вроде стыка между разными кусками пространства, так через них ни радио, ни магическая связь не действует. Перейти – и то проблема.

– Ясно. – Задававший этот вопрос мужчина нашел нужное место в записной книжке и поднял на меня взгляд. – Какие-нибудь другие, не входящие в Городской совет вооруженные группировки в Форте есть?

– Ну не то чтобы вооруженные, – замялся я. – Бандитов хватает. Самая крупная банда – Семёра. Но они уже на полулегальном положении существуют. Еще Цех есть, они все в Городской совет лезут.

– Цех?

– Ага. С ними без пол-литра не разберешься, но если в двух словах – все члены этой группировки постоянно отдают частицу своих жизненных сил в некий «общак». Связь там вроде как ментальная, и при необходимости цеховики в любой момент могут из общего котла силенок зачерпнуть. Понятно дело, что чем выше статус, тем меньше отдаешь и больше получаешь. По большей части цеховики бизнесом занимаются, но есть и боевые подразделения – бригады. Про руководство ничего толком не известно. Ходят слухи о каком-то Директорате, но кто именно в него входит, никто не

знает.

– Все?

– На юге Форта еще Коммуна обосновалась. Эти, пожалуй, самые закрытые. На идеологии марксистской подвинуты, но принимают только тех, кто в Приграничье родился.

– Кто-то еще?

– Да вроде все. А! В Форте же этим летом Триада обосновалась. – Заметив недоуменные взгляды собравшихся, я поспешил объяснить: – Ну в Город постоянно китайцы проваливаются, вот они и создали общину. Теперь в Форт начинают потихоньку перебираться.

– И местные их терпят?

– Местные и друг друга-то не очень, – усмехнулся я. – Сестры Холода с Братством и Гимназией по жизни на ножах были. Цех – с Семёрой. Китайцев вообще никто терпеть не может. Тем более, что с Городом отношения у нас, мягко говоря, прохладные.

– Очень интересно, – оглянувшись на хозяина кабинета, сделал несколько почеркушек плешивый. – А независимые поселения есть?

– Североречинск и Город давно окрестности под себя подмяли, вокруг Форта свободных хуторов полно, но это до поры до времени.

– Почему?

– Да не выжить там в одиночку. Про магические поля и излучение слышали? Ну вот, чтобы нормальную защиту под-

держивать, на одних накопителях Иванова разориться можно.

– Неужели все так серьезно? – забеспокоился Владимир. – Я про излучение. Мы-то без всякой защиты пойдем.

– Не, новичкам не страшно. У организма какая-то сопротивляемость изначально имеется. До Форта всяко добраться успеем. А вот если долго в Приграничье находиться, тогда да, тогда без защиты никак. Ну в Форте городские стены излучение отсекают, а те, кто постоянно в область мотается, поголовно сидят на экомаге – это таблетки такие, организм чистят. И то уродов полное гетто.

– Кого?

– Если излишек излучения хапнуть или сопротивляемость низкая, мутации начаться могут. Таких вот бедолаг собрали в гетто – Черный квадрат. И уродам выжить там проще, и хоть какой-то контроль за ними имеется. А то некоторые заразные. Да и не достать их там.

– А что, были попытки?

– Постоянно. Бандитам местным они как кость в горле. И, если Крестоносцы просто их за городские стены выгнать хотят, то Чистые всех поголовно под нож пустить намерены. Потому как они за чистоту человеческой крови и все такое.

– Ну что ж, думаю, мы выяснили все, что хотели, – оглядел присутствующих сидевший во главе стола человек и остановил уже поднявшегося со стула парня. – А вы, Владимир Николаевич, задержитесь, нам еще вопросы организационного

плана обсудить надо.

– Хорошо, Яков Ильич. – Парень плюхнулся обратно на стул. – Только меня снабженцы к двум часам ждут.

– Ничего, подождут. – Яков Ильич дождался, пока остальные исчезнут за дверью, и, ослабив узел галстука, откинулся на спинку кожаного кресла. – Ты хоть представляешь, Володя, в какой обстановке придется работать?

– Более-менее, – пожал плечами парень. – Да чего там, в первый раз, что ли? На месте разберемся. Главное – туда переправиться.

– Ну с этим проблем быть не должно.

– Одну минуту! – не на шутку забеспокоился я. – Если вы рассчитываете на меня, то забудьте даже! Мы с Домиником договаривались только о передаче сообщения.

– При всем моем уважении к Доминику, вряд ли он мог предвидеть, что нам придется вытаскивать тебя из-за решетки, – прищурился Яков Ильич.

– Он-то как раз мог, – тихонько пробурчал я себе под нос.

– Сам понимаешь – насчет этого тоже уговора не было. А если ты считаешь, что закрыть твое уголовное дело так просто, то можно все переиграть обратно. Сам выпутывайся.

– А лучше сразу пристрелим, чтоб не мучился, – мрачно пошутил Владимир. Хотя на самом деле совсем не факт, что пошутил.

– Что вам от меня надо? – прекрасно понимая, о чем пойдет речь, все же поинтересовался я.

– Переправишь группу на ту сторону, доведешь до Форта и сдашь на руки Доминику, – ничуть не удивил меня Владимир.

– А дальше?

– Дальше свободен. Вернешься с весточкой от Доминика, мы твое дело окончательно уладим, – пообещал хозяин кабинета. – А захочешь, сотрудничество продолжим. Уверен – наши условия тебя устроят.

Я только кивнул. Почему-то и тени сомнения не возникло, что их условия действительно меня устроят. Наверняка даже в голову не придет попытаться отказать. Суки…

– Ну так что? – проформы ради поинтересовался Володя.

– Все, конечно, здорово, – злорадно усмехнулся я, предвкушая реакцию собеседников, – только вот кондуктор из меня никудышный, и сюда-то случайно вырваться сумел. А уж туда… Представления не имею, как это делается. Да и Доминик говорил – простые люди переход не переживут.

– Это – если напролом. Вы через окно пойдете, точнее через щель…

– Окно? А я окна разыскивать не обучен.

– А вот это не твоя забота. Активная точка перехода у нас уже на примете – прямо сегодня к ней вылетите.

– Не так быстро, – нахмурился я, чувствуя, что остаюсь в дураках. – А с вашим кондуктором что стряслось? С тем, который с этой стороны не вернулся?

– Сам понимаешь, работа нервная, постоянные перегруз-

ки, – по-волчьи ухмыльнулся Яков Ильич, – он решил досрочно расторгнуть контракт.

– Как понимаю, неудачно?

– Отнюдь, до сих пор найти не можем.

– Понятно, – потерев мочку уха, задумался я. – А вы, собственно, кто такие?

– В смысле? Я – Яков Ильич, этот молодой человек – Владимир Николаевич.

– И какую контору вы представляете?

– Не думаю, что это имеет значение, – не стал откровенничать хозяин кабинета. – Совершенно излишняя для тебя информация. Еще вопросы?

– Сколько человек идет? – Я решил больше не настаивать на своем. Да какая мне, собственно, разница? Даже если соврут, никак не проверить.

– Вместе с тобой – одиннадцать, я за старшего, – положил перед собой чистый лист Володя. – И в связи с этим вопрос: на что в первую очередь следует обратить внимание?

– Там холодно.

– Мы знаем.

– Там очень холодно, – покачал головой я, сомневаясь, что мои, так сказать, наниматели обладают всей полнотой картины.

– Учтем, – попытался успокоить меня Яков Ильич. – У нашей группы есть опыт полевой работы в зимних условиях.

– Вот и замечательно, – задумался я. – Что с оружием?

– Оно настолько необходимо, что идет вторым номером? – поднял глаза от листа бумаги Владимир.

– Это даже не обсуждается. Без оружия там делать нечего. Лично я туда с голыми руками не сунусь.

– Мы вообще-то имели в виду несколько иное, – забарабанил пальцами по столу Яков Ильич. – Снаряжение, оружие, медикаменты уже заготовлены. Есть ли какие-то специфические моменты, о которых мы можем не знать?

– Специфика? Да какая может быть специфика? Холодно там. И снег. Маскхалаты, лыжи, спальники, палатку закажите. Горелка газовая или бензиновая тоже не помешает. Одежда предпочтительней с минимумом синтетики. На меня возьмите фуфайку, штаны ватные и валенки. Ушанку. Еще ботинки на меху про запас. Да – пули серебряные подготовьте и святую воду обязательно захватите.

– С серебром не получится – предыдущие попытки ничем хорошим не заканчивались. Один раз вообще окно схлопнулось. – Яков Ильич устало закрыл глаза и потер пальцами веки.

– Вот оно как, – хмыкнул я. – Интересно…

– Не забудь свою серебряную цепочку здесь оставить, – предупредил меня Володя.

– Ну уж нет! – зло ухмыльнулся я. – Своя ноша не тянет. Два раза с крестом на шее через Границу переходил и третий с ним пойду.

– Как знаешь.Что-нибудь еще?

– Вагон удачи, – не сказать, чтобы очень уж и пошутил я. – Если есть возможность – раздобудьте зажигательные гранаты или что-нибудь типа того. И дробовик хотя бы один на группу должен быть. Топоры или, на край, саперные лопатки тоже лишними не будут.

– Учтем.

– Теперь, что надо будет лично мне: несколько ножей – пара метательных, тесак и универсальный, финка сгодится. Топорик не шибко громоздкий и ружье охотничье. В идеале – комбинированная вертикалка. Патронов пару пачек с картечью, пару с пулями. И для нарезного еще с полсотни.

– Даже не думай. Ты просто проводник, тебе оружие ни к чему.

– А вот это принципиально, – решительно покачал головой я. – Мне на той стороне некогда будет объяснять, когда стрелять и куда стрелять.

– Люди пойдут опытные…

– Опыт там и опыт здесь немного разные вещи. Совсем чуть-чуть, но этой разницы запросто хватит какому-нибудь сугробнику, чтобы разорвать меня напополам. Не хочу, знаете ли. – Я замолчал и обвел взглядом собеседников. – Да и чего вы боитесь? Не перебью же я один весь отряд! Сами говорите – люди с опытом.

– Мы подумаем над этим, хотя заранее ничего обещать не можем, – дал понять хозяин кабинета, что дальнейшее развитие этой темы бесперспективно.

– Подумайте. – Тон Якова Ильича мне совсем не понравился, но надавить на него сейчас было нечем. – Так, что еще? Зажигалка или спички, литр медицинского спирта, шоколад с цельным лесным орехом – плиток пять, бутылка коньяку – пол-литра.

– Коньяку какого?

– Хорошего. Еще с вас штук сто «дельтатермов».

– Это что такое? – оторвал взгляд от листа, на котором делал пометки, Владимир.

– Грелка солевая, в аптеке спросите, они в курсе. И очков солнцезащитных штук тридцать. Только смотрите, чтоб линзы ультрафиолет не пропускали.

– Зачем тебе столько? – удивленно уставился на меня Володя.

– А я, как та мартышка, весь увешаюсь. Надо, в общем. Вы мне лучше вот что скажите – число сегодня какое?

– Первое декабря с утра было, – хмуро посмотрел на меня вертевший в руках очки Яков Ильич.

– Добро пожаловать в зиму, – ухмыльнулся я, но мои собеседники шутку не оценили. Ничего, скоро дойдет. До тех, кто в живых останется.

«Здравствуй, жопа, новый год!» Именно эта мысль мелькнула у меня в голове, когда старенький тентованный «Урал» армейской расцветки надсадно заурчал мотором и, перемолов колесами высокие сугробы, скрылся за густой стеной со-

сен.

Глотнув морозного воздуха, я с непривычки закашлялся и с тоской оглядел выросшие на ветках шапки снега, часть которых уже осыпалась стараниями сновавших по соснам белок. Впрочем, сейчас самих серых проныр видно не было, и об их визитах свидетельствовали лишь усеивавшие сугробы следы да расшелушенные шишки.

Проводив взглядом упорхнувшую синичку, я вздохнул, поправил шапку-ушанку и обернулся к расставленным на небольшой прогалинке палаткам, светлая ткань которых в сумраке леса почти сливалась с покрывавшим землю снегом. Устроившийся у одной из сосен караульный откинул с головы капюшон маскхалата, поправил ремень свисавшего с плеча автомата – а ведь не Калашников это! – и настороженно уставился в мою сторону.

А может, и не в мою: рядом с выгруженными с «Урала» мешками уже прохаживался раздававший указания Владимир Николаевич, фамилия которого оказалась ни много ни мало – Генералов. Его подчиненные, все как один крепкие парни, без излишней суеты таскали мешки в палатки. Без дела топтались только двое – нарядившийся в темно-синий пуховик невысокий парнишка, который то и дело поправлял съезжающие на переносицу очки, и молодая девушка, немного перекосившаяся под тяжестью туго набитой дорожной сумки.

И это она с собой тащить собралась? Ну-ну. Как бы кому

ее саму нести не пришлось.

Где-то невдалеке раздался стук дятла, макушки заскрипевших сосен закачались под порывом неожиданно усилившегося ветра, и сверху посыпалась снежная крупа. Лучи выглянувшего в разрыв между тяжелыми серыми облаками солнца засеребрили нападавший на мохнатые лапы елок и сосен снег. Красота, одним словом. Не жизнь, а сказка. В том смысле, что чем дальше, тем страшнее…

Проморгав заслезившиеся от ослепительного блеска глаза, я вновь тяжело вздохнул и тыльной стороной меховушки потер кончик носа.

Вот и кончилась вольная жизнь. И полгода не отгулял, как снова в кабалу угодил. Ничего, и на сей раз как-нибудь выкручусь. В первый раз, что ли? Главное, чтобы Генералов ничего из заказанного мной привезти не забыл. Иначе туго придется.

Вчера, блин, только теплую одежду и выдали. А потом – лети, птичка, лети. И, учитывая, сколько времени занял перелет на Ан-24, я даже примерно не скажу, где, по мнению моих нанимателей, в недалеком будущем откроется окно в Приграничье. Одно лишь точно – здесь явно не юга. Сейчас, думаю, минус двадцать пять точно есть – мороз кончик носа так и щиплет. Ночью вообще чуть не окочурился, в палатке конкретный дубак стоял. А ведь все еще только начинается! То ли дело после перехода будет. Если мы до этого самого «после» вообще доживем…

– Леднев! – крикнул откинувший полог дальней палатки Володя. – Иди сюда.

– Иду. – Я пропустил вперед хлюпика в пуховике, который помог девушке затащить внутрь тяжеленную дорожную сумку, сбил меховушками снег с валенок и забрался вслед за ними в палатку.

– Знакомьтесь – это наш проводник господин Леднев, – указал на меня вольготно разместившийся на одном из тюков Генералов. – Прошу, так сказать, любить и жаловать.

– Очень приятно. Алина, – представилась девушка, в лице которой при ближайшем рассмотрении почудилось что-то восточное. Высокие скулы, разрез глаз?

– А Стас Кречет где? – оторвался от расстегнутого баула парнишка и вытер свисавшую с кончика носа каплю рукавом пуховика. – Он же постоянно с нами работал…

– Он не смог, – старательно скрывая раздражение, ответил Генералов. – И какая тебе, Волков, собственно, разница, с кем работать?

– Да никакой, – пожал плечами Волков и, словно опомнившись, протянул мне руку. – Петр Волков.

Я ответил на рукопожатие, но мысли были совсем о другом: фамилия Кречет показалась смутно знакомой. Вертелся у Яна Карловича одно время человечек с таким погонялом. Или просто совпадение?

– Ну раз никакой, тогда, – Генералов обвел нас внимательным взглядом и продолжил: – думаю, никому не надо объ-

яснять, зачем мы все здесь собрались. И чем чревата несогласованность наших действий тоже. Так что на будущее запомните – мои приказы исполнять от и до, быстро и без пререканий. Все ясно?

Я только хмыкнул.

– У тебя, Леднев, есть свое мнение по этому вопросу? – тут же напрягся Володя.

– Да нет, все вроде верно, – усмехнулся я. – Только лучше будет, если на той стороне в первую очередь мои распоряжения будут исполняться от и до, быстро и без пререканий.

– Чем лучше?

– Шансов до Форта дойти прибавится.

– Командую группой я. Будут замечания по делу – не молчи, но поперек меня с распоряжениями не суйся. Усек?

– Лады, – пришлось согласиться мне. Ничего, посмотрим, как ты на той стороне запоешь.

– Вот и замечательно, – усмехнувшись, успокоился Генералов и развернулся к Волкову. – Что нам наука скажет – когда оптимальное время для перехода подойдет?

– Оптимальное время – прямо сейчас. – Петр протер кусочком замши очки и уставился на вытащенный из сумки прибор с множеством подсвеченных зеленоватым свечением окошек. – По прогнозам завтра-послезавтра интенсивность излучения пойдет на убыль. Тянуть нельзя – аномалия и сейчас на нормальное окно не тянет, дальше шансы на удачный переход будут уменьшаться в геометрической прогрессии.

– Вы, Алина, что скажете? – ненадолго задумавшись, все же решил поинтересоваться мнением девушки Владимир.

– Я ощущаю какое-то чужеродное присутствие. – Расстегнув молнию лыжной куртки, она закрыла глаза. – Странное здесь место, мне ни с чем таким сталкиваться еще не доводилось.

– Интересно, – хмыкнул Генералов и скептически глянул на меня. – А ты, Леднев, что-нибудь подобное чувствуешь?

– Если честно – ни фига не чувствую, – сознался я, потихоньку поглядывая на медленно раскачивающуюся с закрытыми глазами девушку. Еще экстрасенса нам в команде не хватало. Они ж все как один немного на голову прибабахнутые, как бы ей в Приграничье вообще кукушку не снесло.

– Разрешите? – откинув полог, просунул внутрь голову один из подчиненных Генералова. – Тут вещи…

– Подожди, – отмахнулся от него Володя, но, взглянув на побелевшие на морозе щеки парня, передумал. – Ладно, Брыльский, залазь, мы заканчиваем уже. – Значит, так: выходим сегодня в районе восьми. Волков – с тебя самое оптимальное место перехода. И поаккуратней с замерами – лучше меньше информации снять, чем неизвестно куда провалиться.

– Да все нормально будет, – улыбнулся Петр. – Я ж в этот раз с вами пойду, основной блок с собой заберем. Здесь считыватели по минимуму будем ставить.

– Иди, в общем, работай, – отмахнулся от него Генера-

лов. – И вы, Алина, тоже пока можете быть свободны. А лучше сходите с Волковым – место посмотрите. Может, подскажете чего.

– Пойду, тоже осмотрюсь, – поднялся я вслед за Петром и Алиной.

– Обожди, – остановил меня Володя. – Принимай заказ.

– Какой заказ? – сначала ничего не понял я, но когда Брыльский протянул мне чехол с охотничьим ружьем, сообразил, о чем речь. – А остальное?

– Вот тебе и остальное, – скривился подчиненный Генералова и за лямки затащил в палатку весьма объемный рюкзак камуфляжной расцветки. – Все здесь.

– А это что за зверь? – Я распаковал чехол и вытащил укороченное ружье, вертикально расположенные нарезной и гладкий стволы которого были не спаяны, а соединены муфтами. А ничего так, баланс удобный. Тяжеловато, правда. И оптика бы не помешала. Но тут ее и позже поставить можно – разъемы есть.

– ИЖ-94 «Тайга», – просветил меня парень, растиравший начавшие розоветь щеки. – Верхний ствол двенадцатого калибра со сверловкой «парадокс», патронник на 76. Нижний ствол – 7,62.

– Неплохо, – кивнул я. По крайней мере, винтовочные гильзы с закраиной – без эжектора с проточкой сплошные мучения. Особенно если в варежках. – Патроны привезли?

– Все в рюкзаке. – Брыльский отдернул полог и выжида-

тельно посмотрел на Генералова. – Все?

– Подожди, – попросил его я, достав из рюкзака коробку с ружейными патронами, на боку которого красовалась надпись «Magnum». – А пули какие?

– Полева-6.

– Замечательно. – Я сунул ружейные патроны обратно и вытащил упаковку винтовочных. Это что у нас? Lapua 12g Mega. Звучит солидно, надеюсь, и в деле они проявят себя не хуже. – Что с ножами?

– Иди, Брыльский, – отпустил подчиненного Генералов и указал мне на рюкзак. – Сказали же: все там.

Я проверил. Действительно – не обманули. Тесак, правда, какой-то странный – больше на кукри смахивает. Но дареному коню в зубы не смотрят.

– Это не кукри, это экспедиционный нож, – расслышал мое бормотание Владимир.

– В общем, что попалось под руку, то мне и впарили, – констатировал я, вешая на стягивающий фуфайку ремень чехол с финкой. Надо бы еще для метательных ножей петли нашить.

Генералов ничего не ответил и вылез из палатки. Я усмехнулся ему в спину и принялся проверять свое богатство, но тут внутрь заглянул один из безликих караульных и велел убираться. Жалко. У меня-то надежда была содержимое тюков проверить. Ума не приложу, зачем они сюда столько барахла свезли.

Впрочем, закинув в свою палатку рюкзак, я там оставаться не стал и, набив карманы патронами, отправился пристреливать ружье. Начальнику охраны сейчас было не до меня – с десяток человек разгружали привезенную еще одним «Уралом» аппаратуру и куда-то тянули провода. Так что я спокойно расположился на проложенной неподалеку в лесу просеке и, выбрав в качестве мишени торчавший из снега пень, начал отстреливать патроны. Пара караульных, правда, постоянно неподалеку маячила, но они не мешали – их явно заботило только, чтобы подопечный не попытался сдернуть.

Исстреляв десятка два патронов, я пришел к неутешительному, в общем-то, для себя выводу, что пули из нарезного ствола уходят немного левее и ниже по сравнению с выстрелами из ствола двенадцатого калибра. Не смертельно, но неприятно. Ничего, со временем скрепляющую стволы муфту можно будет отрегулировать. А так очень даже ничего себе ружьишко. Правда, без фуфайки отдача должна прилично ощущаться, но это по большому счету дело привычки.

– Пора, – позвал меня караульный, когда я наскоро вычистил после стрельбы нехромированный нарезной ствол и убрал ружье в чехол. Странно, Генералов вроде о восьми часах толковал.

– Пора, так пора, – натянув прямо поверх тонких кожаных перчаток меховушки, я закинул за спину рюкзак, повесил на плечо чехол с ружьем и вышел из палатки на улицу. Солнце

к этому времени уже успело склониться к горизонту, и лишь верхушки сосен были подсвечены тусклыми розоватыми лучами. Еще немного и окончательно стемнеет. И чего мы, на ночь глядя, в дорогу отправляемся? Неужели до утра подождать нельзя?

Ух, подмораживает как! Прям дыхание сбилось. А дальше-то что будет?…

Что, что… Ничего хорошего.

– Эй, Петр! – позвал я что-то наговаривавшего в диктофон Волкова, который направился в ельник вслед за тянувшимися от «Урала» толстыми кабелями.

– Да? – остановился, поджидая меня, тот.

– Прямо сейчас идем?

– А чего тянуть? Окно стабильней не станет.

– Ясно. – Я пригляделся к висевшему у него на поясе прибору, на дисплее которого сменяли друг друга зеленые циферки. – Слушай, а Кречет, это рыжий, что ли? У него еще шрам над переносицей.

– Ага, – кивнул тот. – Знакомы?

– Доводилось встречаться, – поджав губы, задумался я и поправил накинутый на плечо ремень чехла с двустволкой.

– Пошли быстрее, а то Генералов опять разоряться будет, – потянул меня за собой Волков, прежде чем я решил, имеет ли смысл поинтересоваться о личностях наших нанимателей. Ладно, успеется еще.

А Генералов и в самом деле был на взводе: наорав на тех-

ников, которые, по его мнению, слишком медленно устанавливали аппаратуру, он с трудом сдержался, чтобы не послать подальше Алину, попросившую время привыкнуть к энергетике приютившего нас оврага. Сдержаться сдержался и даже время дал, но откровенно недовольный тон ясно показал девушке, что о ней думают.

Зря он так с ней. Может, Алина и не шарлатанка вовсе – привыкать тут действительно есть к чему. Я, как только по склону спустился, так сразу и замер на месте: промороженный воздух обжег нос и легкие, но дело было даже не в этом – просто впервые после возвращения из Приграничья удалось уловить слабый отголосок разлитой в пространстве магической энергии. Даже не отголосок, а скорее смазанный след, будто где-то неподалеку не так давно была приоткрыта щель в другой мир и оттуда потихоньку тянуло противной стылостью, от которой начало крутить суставы и ломить ребра.

Да и мороз здесь ощущался куда сильнее, чем наверху. Старый знакомец жег щеки, покусывал кончик носа и норовил забраться в меховушки, чтобы окончательно застудить озябшие пальцы. Непонятно откуда взявшийся легонький, но шустрый ветерок тянул по ногам и пытался выдуть из-под одежды столь необходимое сейчас тепло. Еще б понять – то ли я слишком легко оделся, то ли это меня от нервов морозить начало. Нет, надо как-то срочно согреваться. Нельзя поддаваться стуже, никак нельзя.

Стужа, она хочет только одного – заморозить, обездви-

жить, вытянуть по капле, по крупице жизненные силы и оставить на снегу заледенелое тело. Стужа враг, и враг куда более безжалостный, чем болотные вурдалаки, сугробники и все ледяные ходоки вместе взятые. Не страшны ей ни серебряные пули, ни зачарованные клинки. Стужа бессмертна, и рано или поздно она всех окутает своим непроницаемо-стылым покрывалом и утянет за собой на самое дно ледяного ада. И тут двух мнений быть не может – каждый в свое время почувствует на загривке ее леденящее дыхание.

Я запрыгал на месте, пытаясь согреться и выкинуть из головы непонятно чем навеянные жутковатые мыслишки. Хотя что значит – непонятно чем? Можно подумать, это не мне предстоит в самое ближайшее время посетить владения этой самой стужи. И есть предчувствие, что мерзкая тварь будет весьма рада моему возвращению. Весьма…

Твою ж мать!

Злые техники, наскоро повтыкав в снег треноги с приборами и соединив их просто бесчисленным количеством проводов, поспешили убраться из оврага, а немного успокоившийся Владимир принялся что-то выпытывать у пританцовывавшего от холода Волкова.

И чего он так легко оделся? Не знал, куда идем? Или просто по натуре мерзляк? Если так – не завидую ему. Совсем не завидую. Не сладко ему придется. Да и всем нам тоже…

Пытаясь успокоиться, я несколько раз подкинул и поймал топорик, засунул его за пояс и внимательно осмотрел

оставшийся в овраге люд. Все ж мне с ними не один день по Приграничью путешествовать, желательно бы заранее понять, что наша компания из себя представляет.

Как и было оговорено, вести на ту сторону мне предстояло десять человек: Генералова, Волкова, Алину и еще семерых парней, из которых я в лицо знал только Брыльского. Вроде – народу не так много. Только вот целостная картинка никак не складывалась. Сразу ясно одно – Петр и Алина личности в этой компашке явно чужеродные. И даже не в их одежде и снаряжении дело, хотя пуховик и лыжная куртка на фоне коротких тулупов и маскхалатов сразу в глаза бросаются. Нет, дело было именно в людях. Остальные, и Генералов не исключение, отличались какой-то внутренней собранностью и решительностью. Доводилось мне такой настрой у людей видеть, и всегда это очень серьезные профессионалы были. Да за примером далеко ходить не надо: те же патрульные из роты дальней разведки или боевики Братства у меня тоже порой мороз по коже вызывали.

Ну и вооружены эти парни соответственно: у двоих экспортного исполнения самозарядные гладкоствольные карабины «Сайга» 12К, у четверых автоматы неизвестной мне конструкции. Невысокий широкоплечий парень с ручным пулеметом «Печенег» нянчится, а что за винтовка в чехле у снайпера, так сразу и не разберешь.

По широкой дуге обойдя раскинувшую руки и закрывшую глаза Алину, я подошел к дымившему сигаретой Брыльско-

му и тихонько поинтересовался:

– Слышь, не подскажешь, что за агрегат у снайпера вашего? Точно ведь не СВД.

Брыльский смерил меня недовольным взглядом, выкинул бычок в сугроб и, не произнеся ни слова, отошел в сторону.

Вот сволочь! Ладно, хрен с тобой, золотая рыбка, земля круглая.

– «Выхлоп», – ни с того ни с сего заявил вдруг невысокий курносый парнишка, который поправлял запутавшиеся в подоле маскхалата ножны висевшего на ремне длинного тесака. Выглянула и снова спряталась под маскхалатом разгрузка с гранатами.

– Чего?!

– «Выхлоп», говорю. – Парень разобрался с ножнами и потер ладонью конопатые щеки: холодно. – Винтовка снайперская специальная крупнокалиберная. Еще – бесшумная, калибра 12,7.

– А! – протянул я. – А что за автоматы у вас?

– АЕК-973. – Подчинённый Генералова в свою очередь с интересом уставился на меня. – Получается, ты у нас за проводника будешь?

– Получается, буду. – Заметив, что Владимир уже закончил разговор с Волковым, я накинул на плечи выделенный мне маскхалат. Ну все, сейчас начнется…

– Виктор, – представился парень и натянул на лицо вязаную шапочку с прорезями для рта и глаз.

– Лед. – Я попрыгал на месте, утрясая содержимое рюкзака, и поправил его немного сбившиеся лямки. Стоп! Чего это я? У меня ж там крайне необходимые для перехода припасы заныканы. Придется опять на снег скидывать.

– И как оно там?

– Холодно.

– Не, в смысле – пострелять придется? – Парень с интересом наблюдал, как я, скинув рюкзак на снег, принялся лихорадочно в нем рыться.

– Придется, там без этого никак. – Нащупав убранную на самое дно под запасное белье бутылку, я усмехнулся Виктору, который закинул себе за спину весьма объемный вьюк. – Вы что, с этим через Границу переть решили?

– А куда деваться? – попытался пожать плечами тот, но лишь досадливо поморщился, оступившись под тяжестью груза. – Начальству виднее.

– Дурдом, – буркнул я, оглянувшись на Генералова, который что-то выспрашивал у Алины. – Там самим бы дойти.

– Леднев! – Отвернувшись от раскрасневшейся от мороза Алины, наш командир призывно махнул рукой. – Двигай сюда.

– Чего? – Я не спеша подошел к ним и покосился на колдовавшего с ноутбуком Волкова.

– Где оптимальное место перехода? Твое мнение.

– А наука что скажет? – Я проследил за взглядом Алины и мысленно кивнул: соображаешь, девочка. Действительно,

стужей из ельника так и веет. Только вот, думается мне, не все так просто.

– Между вон теми двумя соснами полоса напряжения проходит. – Петр оторвал взгляд от дисплея, поправил съехавшие очки и, размяв озябшие в тонких перчатках пальцы, вновь застучал по клавиатуре.

– Да ну? – Умные термины мне ни о чем не говорили, но этих самых напряжений столько на собственной шкуре прочувствовать довелось…

– Трехмерное сканирование… – Волкова настолько удивило мое недоверие, что он даже перестал следить за змеившимися на экране волнистыми линиями.

Я ничего не ответил, кинул в снег рюкзак и отошел к месту, где еще недавно топталась Алина. Хорошее на самом деле место. Всем энергетическим потокам открытое. В этом мире чисто теоретически, конечно.

Закатав на лоб вязаную шапочку, я закрыл глаза и попытался уловить биение рвущейся извне энергии. Ощутить колыхания серых щупалец стужи. Почувствовать на своей коже обжигающие прикосновения текущей из другого мира силы. Силы, которая одинаково легко может и проморозить насквозь, и заставить вспыхнуть негасимым пламенем кровь.

Сначала ничего не происходило и даже начало казаться, что почудившееся сразу после спуска в овраг дыхание стужи было всего-навсего уколами пытавшегося забраться под одежду мороза. Вот только постепенно правое предплечье

начало ломить от боли. Жжение медленно забралось вверх по руке и, добравшись до локтя, вонзилось огненным лезвием в сустав. Миг нестерпимого напряжения, и вот уже ломота стекла обратно в кисть и заставила судорожно сжаться пальцы в кулак. Ах-х-х…

Стиснув зубы, я развернулся лицом к тем самым соснам, на которые указал Волков, и принялся разминать горевшую огнем кисть. Ничего не понимаю. Биение энергии только-только уловил, чего ж так рука-то загорелась? Будто по меньшей мере ее в магический поток Гадеса сунул.

– Ну и как? – Вдоволь полюбовавшись на мое перекошенное лицо, поинтересовался Генералов. – Меж деревьев пойдем?

Ничего не ответив, я посмотрел на скрюченные стволы сосен, оглянулся на Волкова, потом перевел взгляд на Алину. Значит, все уверены, что окно там? Вроде так и есть – именно оттуда магическая энергия и сифонит со страшной силой. Вот только по всем признакам это просто обратка.

– Мелочь есть у кого? – Пальцы правой руки наконец обрели чувствительность, и, пошарив у себя в карманах, я не особо удивился результату – пусто.

– Зачем тебе? – не понял Владимир.

– На билет до Приграничья не хватает, – не шибко смешно пошутил я и оглядел навьючивших на себя рюкзаки и чехлы со снаряжением парней. – Выгребайте у кого сколько есть.

Монет набралось с полпригоршни. В основном рубли. Пя-

тирублевок оказалось значительно меньше, да еще кто-то пожертвовал биметаллической десяткой с профилем Гагарина на реверсе.

Я ссыпал добычу в карман, наугад вытащил двухрублевку и, развернувшись спиной к скрюченным соснам, щелчком запустил монету в полет. Вращающийся диск серебром сверкнул в лучах установленного на склоне прожектора и исчез в снегу. Не беда, у меня этого добра навалом.

– И чего ты хочешь этим добиться? – раздраженно спросила ничего не понимающая Алина после пятого или шестого броска.

– Ничего, балуюсь просто. – Мне показалось, что последний рубль уже в полете завертелся чуть быстрее, и туда же следом отправилась десятикопеечная монетка. Десятчик немного не долетел до росших на склоне деревьев, резко ушел вниз и пробил наст снега. Выходит, узел здесь должен быть.

– А поподробней можно? – весьма холодно потребовал ответа нахмурившийся Владимир и оглянулся на недовольных задержкой подчиненных, которым давно уже надоело морозить в этом овраге свои задницы.

– Тут по дну оврага ручей течет, – повернулся к Волкову я. – Когда расчеты делали, это учли?

– И что с того?

– А то, что, где вода, там и всякие энергетические выверты начинаются. Так учли или нет?

– Нет, – растерялся Петр.

– Зря. – Я подошел к оставленному в снегу рюкзаку и вытащил бутылку коньяка. Надо же, на французский расщедрились. – Командуйте, Владимир Николаевич, готовность номер один. Сейчас пойдем.

– А это тебе зачем? – возмутился он, когда я, сорвав фольгу, откупорил бутылку и выбросил деревянную пробку в снег.

– Неужели кто-то думал, что я в такую задницу на трезвую голову полезу? – Я отхлебнул прямо из горла и одобрительно покачал головой. Неплохо, очень даже неплохо. Меня таким коньячком только Ян Карлович и угощал, да и то через раз. – Дураков нет.

– Ты что делаешь? – прошипел Генералов после моего второго глотка. – Дай сюда!

– А что такое? – Я отвел его протянутую руку в сторону и оценил содержимое бутылки на просвет. И трети не выпил, чего так разоряться? Рано нервничать еще, рано. Вот пару раз приложусь, тогда самая пора для беспокойства и настанет. – Все путем, командир. Мне без горючего сейчас никак нельзя, на полпути ласты склею. Ты людей своих лучше проверь – неровен час, кто отстанет.

– Алкоголик чертов, – выругался Генералов, но все же последовал моему совету. Вот и замечательно. А то раскомандовались тут всякие.

Сделав еще один длинный глоток, я почувствовал, как по

жилам заструилось мягкое тепло благородного напитка. И, несмотря на декабрьскую стужу, жизнь стала вовсе не такой мрачной, какой казалась еще пять минут назад. Да и точившая меня последнее время безысходность мигом куда-то запропастилась, прихватив с собой на пару давившую сердце безнадегу.

Все путем! Ну закинула судьбинушка обратно в Приграничье, и что? Кто мне помешает при первой же возможности оттуда сдернуть? Да если и задержаться там придется, разве трагедия? Не на убой же ведут! Еще и наварюсь на этом деле чуток. А с деньгами что здесь, что там жить одно удовольствие. Не, мы еще повоюем…

Ой, мороз, мороз, не морозь меня,

Не морозь меня, моего коня…

Воткнув в снег полупустую бутылку, я распечатал плитку шоколада и, отламывая по кусочку, принялся тщательно пережевывать лесные орехи. Да уж, тепло-то мне сейчас тепло, но на голодный желудок по мозгам шибко здорово долбануло. Как бы так еще до перехода не скопытиться. Ладно, прорвемся.

– Ну что, орлы, готовы? Добро пожаловать в зиму! – пошатываясь, я закинул рюкзак за спину, подхватил под мышку связанные ремешками лыжи и лыжные палки и шагнул вверх по склону холма. – За мной шагом марш, ать-два!

Только вот никакого ать-два не получилось. Уже на втором шаге я замер на месте и до рези в глазах принялся всмат-

риваться в наметенные ветром волны снега, выбирая, куда поставить ногу. От выпитого коньяка начала кружиться голова, меня неожиданно повело в сторону, но именно в этот момент тугая пелена сжала виски, а перед глазами вспыхнули изумрудные искорки звезд. Рывок вперед – и в следующий миг меня с ног до головы проморозила ледяная волна. Будто из парилки в прорубь нырнул. Не выпей коньяка – точно бы дуба дал. Или от шока замер, да время бы упустил. Но я-то выпил и уж не знаю, на счастье или на беду, не замешкался и продолжил движение вперед.

Преодолевая сопротивление входившей в солнечное сплетение ледяной иглы, мне все же удавалось механически переставлять ноги и идти именно туда, куда не пускало сжавшееся пружиной пространство. Двигаться приходилось уже не вверх по склону, а немного в ином направлении. Вскользь. По щели между мирами. Против течения сочившейся из Приграничья магической энергии. Наперекор всему.

Вскоре стужа выпила все тепло моего тела, и только сила воли заставляла двигаться вперед. Сила воли да игравший в крови коньяк. Ну и мечты о тепле, куда без них. Мне ж много не надо – теплое море, горячий песок, стакан глинтвейна на худой конец. Да хотя бы и водки. Мне ж много не надо, мне…

Стужа вилась вокруг, уговаривала остановиться, перевести дыхание, схитрить и свернуть с наиболее трудного пути. Черное бездонное небо безразлично следило неисчислимыми огоньками звезд за моими трепыханиями. Висевший на

серебряной цепочке крестик жег грудь, но сейчас эта боль нисколько не мешала, а только придавала сил и гнала вперед. И я изо всех сил старался не сбиться с пути.

Шаг, другой, мы идем по Африке,
Шаг, другой, все по той же Африке…

Что за бред? С каких пор африканский песок стал белого цвета?

Обжигающе-холодный песок, в который я уткнулся лицом, само собой, оказался никаким не песком, а снегом. И прежде чем потерять сознание, мне все же удалось приподнять налившуюся свинцовой тяжестью голову и в сгустившихся сумерках разглядеть силуэт полуразрушенного одноэтажного здания.

Ну вот я и вернулся…

Кто бы мог подумать…

Гадство какое…

Глава 2

Сначала было слово.

Или свет?

Нет, все же слово – кто-то монотонно и на одной ноте нудил прямо в ухо:

– Очнись, очнись, очнись…

И только потом какой-то не в меру умный гад догадался оттянуть веко и посветить фонариком мне прямо в глаз.

Черт!

Мотнув головой, я освободился от захвата, вновь зажмурился, и попытался зарыться в сугроб.

Не дали. Вытащили, разжали зубы, влили в рот какое-то отвратительное на вкус пойло.

Твари!

Я захрипел, зажал раскалывающиеся от боли виски руками и принялся кататься по кое-как утоптанному ногами моих мучителей снегу. Все тело горело огнем, суставы словно дробили на части удары пыточных молотов, а в жилах вместо крови стремительно неслась концентрированная кислота. Сердце с трудом справлялось с многократно возросшей нагрузкой, и изо рта у меня вырывался даже не стон, а какой-то невнятный сип.

– Ну и нажрался, – осуждающе произнес кто-то неподалеку. – В хламотень…

– Не уверен, надо бы обезболивающее вколоть, – присел на корточки Генералов и с матом отдернул руку, когда между нами проскользнула голубая искра магического разряда. – Волков! Что за дела?!

– Не знаю, приборы сгорели, – рассеянно отозвался тот.

– Это духи. Он одержим духами, – просветила командира Алина. – Я знаю, что делать…

Знает она. Умная, типа. Какие, на хрен, духи?!! Разве непонятно, что меня от переизбытка магического излучения корежит?!!

Тысячи ледяных игл беспрестанно впивались в мое измученное тело, и от непривычно высокой интенсивности магического излучения меня просто выворачивало наизнанку. Вслед за сжигавшим тело огнем пришел заморозивший пальцы на руках и ногах холод. Блин, так и загнуться недолго. Надо что-то делать. И делать срочно.

Нахлынувшая извне магия рвала меня на куски и заставляла бурлить кровь, но ничего поделать с этим сейчас было невозможно: слишком сильный перепад напряжений произошел при переходе. Об этом меня Доминик и предупреждал. Лучше б сказал, что в таких случаях делать…

Подвывая от нестерпимой боли сквозь стиснутые зубы, я попытался сосредоточиться и пропустить плескавшуюся внутри энергию через отвыкшее от таких нагрузок тело. Главное, хоть на миг вновь стать одним целым с исковерканным магическим излучением пространством Приграничья,

а дальше уже легче будет.

Максимально открывшись потокам силы, я перестал выть и пробормотал мантру, снимающую боль. На мгновение сведенное судорогами тело расслабилось и корежившая его энергия понеслась по настроенным еще при обучении в Гимназии ментальным каналам. Вот только помогло это ненадолго – способность управлять внутренней силой за время отсутствия в Приграничье так и не восстановилась, и бесконтрольно накапливавшаяся колдовская энергия грозила в скором времени превратить меня в живой факел.

Закусив ворот фуфайки, я глубоко вздохнул и попытался отсечь все присосавшиеся ко мне энергетические потоки. Попытался скорее от отчаяния, но первых результатов удалось добиться неожиданно быстро – как до невозможности сложно в последнее время шло управление внутренней силой, так просто оказалось работать с внешней энергией.

Раз – и обжигающее магическое излучение огибает меня и лишь слегка-слегка колет разрядами кожу.

Два – и отступает боль.

Три – и студеный ветер наждаком обжигает лицо.

Немного погодя я открыл глаза и, не обращая внимания на тянувшийся от земли холод, уставился в темнеющее вечернее небо. Небо почти серое, с заплатами свинцовых снеговых облаков. Замершие вокруг с оружием в руках парни настороженно посматривали по сторонам, и только копавшаяся у себя в сумке Алина громко ойкнула, встретившись со

мной взглядом:

– Одержимый…

– Не дождетесь, – буркнул я, перевернулся на бок и осторожно уселся прямо на снег. Боль в голове еще не стихла, и от неловкого движения вновь заломило виски.

– Очухался? – поинтересовался Генералов, присевший рядом на корточки со шприцом в руке. – Идти сможешь? Или витаминчиков вколоть?

– Смогу, – не задумываясь ответил я и тут же понял, что действительно – смогу. Дурманивший голову хмель и сковывавшая движения усталость сгинули без следа, а крохи потекшей по телу энергии Севера вернули несколько позабытую уверенность в собственных силах. И не только ее. – А колоть ничего не надо, сам справлюсь.

Единственное – чувствую себя как-то странно. С одной стороны, магическое поле меня слегка касается, но такое впечатление, будто потоки энергии не напрямую идут, а со всех сторон обволакивают. Интересно, а боевые заклинания так обмануть можно? Вопрос, что называется, на злобу дня.

– Тогда пошли, стемнеет скоро, – поторопил меня Генералов.

– Обожди. – Я поднялся на ноги и огляделся. – Поспешишь, сам знаешь, какой результат получишь.

Вывалились мы в Приграничье неподалеку от запорошенных снегом развалин сложенного из железобетонных плит ангара. Крыша давно провалилась, да и сами стены дове-

рия не вызывали, так что нечего было и думать остановиться здесь на ночевку. Тем более что и альтернатива имеется – вон на фоне темнеющего неба какие-то строения в паре-тройке километров вырисовываются.

Я посмотрел на почти скрывшееся за горизонтом солнце, лучи которого алыми стрелами пронзали рваную пелену облаков и разбавляли серость неба розовыми и багряными тонами. Наверняка тучи вскоре сомкнут свои ряды, но если поторопимся – до развалин добраться успеем еще до темноты. Вот только поспешать тоже с умом надо.

Ветер сыпанул в лицо горсть снежной крупы, и сразу стало как-то весьма неуютно. Будто царившая в Приграничье Стужа специально напомнила, кто в доме хозяин. И хоть оделся я теплее некуда, а все равно порывы ледяного ветра уже насквозь проморозили. Даже пальцы на ногах почти не чувствуются. Нет, действительно закругляться пора.

Я быстро оглядел расположившихся кругом парней, про себя отметил, что тяжеленные вьюки они успели куда-то припрятать, и вытащил из чехла «Тайгу».

– Леднев! Ты долго еще возиться будешь? – рыкнул Владимир, рассматривавший заинтересовавшие меня строения в бинокль. – Не тяни резину.

– Лед, – поправил его я и, стянув с правой руки меховушку, зарядил ружье. Защищенные от холода лишь тонкой кожаной перчаткой пальцы на морозе моментально занемели, но тут уж ничего не поделаешь – придется потерпеть.

– Что – лед? – не понял командир.

– Меня зовут Лед, – объяснил я и нашарил в кармане зажигалку.

– Не дури, – разозлился Генералов и закрыл окуляры бинокля чехлом.

– Просто предупредил. – Стянув вторую меховушку, я шагнул к пытавшемуся оживить свой ноутбук Волкову и ухватил его за ухо.

– Ты чего?! – взвизгнул Петр.

– Леднев! – заорал Генералов. – Совсем охренел?

– Лед, – вновь напомнил ему я, поднял к свету правую руку, в крепко сжатых пальцах которой извивалась почти неразличимая тень. Чиркнуло колесико зажигалки, огонь лизнул съежившуюся дымку, и неожиданно промеж пальцев у меня вспыхнуло и моментально опало зеленоватое пламя.

– Что это было? – принюхавшись к запаху паленых волос, спросил перехвативший автомат Генералов.

– Дымчатый клещ.

– Остальных проверишь?

– Обязательно. – Я закрыл глаза и попытался вызвать внутреннее зрение. Чернота закрытых век расплылась в серую хмарь, на смазанном фоне которой выделялись десять блеклых пятен окруживших меня людей. У большинства ауры светились желтыми тонами с вкраплениями черных и темно-синих нитей, исключений было двое: Алина полыхала янтарным блеском, а один из подчиненных Генералова –

Виктор – медленно наливался едва заметно колыхавшейся чернотой. Вот так дела. Совсем это нехорошо.

Мельком пробежавшись внутренним взглядом по казавшейся бескрайней серой пустоши заснеженного поля и не обнаружив ничего интересного, я открыл глаза и откашлялся, прочищая горло:

– Нормально с остальными все.

– Уверен? – прищурился Владимир.

– Вполне. – Я присел рядом с валявшимися в снегу лыжами и отстегнул ремни, крепившие к ним палки. – Вы так налегке и пойдете?

– В смысле?

– Багаж свой, говорю, здесь оставите?

– Не твое дело.

– Нашим легче. – Просунув валенки в крепления лыж, я понюхал поменявший направление ветер. Севером пахнет. – Двинули тогда. Вон те дома проверим, глядишь, там и заночуем.

– Насколько это безопасно? – уточнил Генералов.

– Безопасней, чем в открытом поле на ночь останавливаться, – пожал я плечами.

– Где мы вообще находимся, представляешь?

– Скорее всего прилично к югу от Форта, хотя могу и ошибаться. Как бы это не Северореческ был.

– Долго идти?

– За неделю точно доберемся. Если к людям выйдем, так

и раньше.

– Егоров, Федоров впереди, Брыльский, Якубов идете замыкающими. – Генералов с сомнением посмотрел на Алину и Петра. – От меня ни на шаг. Ясно?

– Так точно, – откликнулся убиравший умерший ноутбук в сумку Волков. Алина ограничилась кивком.

– Обожди. – Я наклонился к поправлявшему перчатки Владимиру и зашептал ему прямо в ухо: – Не ставил бы ты Якубова замыкающим.

– А что такое? – Командир удивленно оглянулся на напарника Брыльского.

– Пробой энергетики у него. Сопротивляемость магическому излучению слабая. Запросто мороком голову задурманить могут. Как бы чего не вышло. Лучше за ним присмотреть.

– Вот как? – задумался Генералов. Мнение обо мне у него сложилось уже вполне определенное, но проигнорировать совет мешал элементарный здравый смысл. – Так, Якубов, ты за проводником нашим приглядывай. Смирнов, к Брыльскому. Двинули.

Подмигнув ничего не понимающему Виктору, я оттолкнулся лыжными палками и покатился вслед за выбиравшими дорогу парнями. Впрочем, выбиравшими – это громко сказано. Вывалиться в Приграничье нас угораздило посреди чистого поля, так что идти можно было абсолютно в любую сторону. На все, так сказать, четыре. Вот только сейчас мы

себе такой роскоши позволить не могли и, проламывая широкими охотничьими лыжами хрупкий наст, пробирались к едва различимым в сгустившихся сумерках развалинам.

Был бы выбор – точно бы куда-нибудь свернул. А так приходилось терпеть заметно усилившийся встречный ветер, который мало того что пытался забраться под одежду и выдуть оттуда последние крохи тепла, так еще и швырял прямо в лицо холодные колючие снежинки. Не закрывай лица опущенные вязаные шапочки и лыжные маски, точно бы обморозились.

Пробираться по глубокому снегу удовольствие было небольшое, к тому же почти сразу же сбилось дыхание и вновь начали ломить давным-давно сломанные ребра. И ведь не было никакой возможности забыть обо всем и через силу переставлять будто налившиеся свинцом ноги. Нет, ко всему прочему приходилось по мере своих изрядно ослабевших способностей просматривать внутренним зрением окружающее пространство. Да еще не забывать закрываться от так и норовивших захлестнуть с головой волн магической энергии. Минут через сорок этих мучений я вымотался, словно в одиночку разгрузил вагон с углем. Ладно, хоть вдоль силовых потоков скользить приноровился. И все равно – с непривычки усталость наваливалась все сильней, и близость гиблого места удалось почувствовать слишком поздно. Хотя что значит – слишком поздно? Главное – заметил. И успел предупредить.

– Стоять! – заорал я, когда резкий порыв ветра донес неестественную стылость, ноздри защекотал затхлый запах давно заброшенного дома, а колдовское зрение окрасило преградивший нам путь овраг в блекло-пурпурный оттенок. – Назад!

– Чего еще? – спросил обернувшийся Федоров, который успел остановиться в самом начале склона.

– Плохое это место, обойти надо. – Не обратив внимания на его недовольство, я с тревогой посмотрел на сплюнувшего в снег длинную струю слюны Виктора. Как бы он так не спекся. Очень нелегко ему сейчас приходится.

– Овраг длинный, минут тридцать потеряем, – прикинул осмотревшийся Генералов. – Почему напрямик нельзя?

– Не надо, – неожиданно ухватила его за руку Алина, которую начала бить крупная дрожь. – Я чувствую – впереди что-то очень нехорошее. Надо скорее уходить отсюда, пока оно нас не заметило.

– Ну если так, – засомневался командир, поглядывая то на меня, то на забормотавшую себе под нос какой-то наговор девушку, – пожалуй…

– Сейчас проверю! – снявший с плеча карабин Федоров ни с того ни с сего подался вперед и скатился по склону оврага вниз.

Я только успел выдохнуть проклятие, а он уже оказался метрах в тридцати.

– Нормально здесь все! Спускайтесь! – махнул нам па-

рень, широко улыбнулся и, перехватив «Сайгу», приставил дуло к подбородку. Выстрел прозвучал неожиданно глухо, почти обезглавленное тело еще мгновение простояло на ногах, а потом как подкошенное рухнуло на забрызганный кровью снег.

– Брыльский, назад! – заорал Генералов и, схватив маня за фуфайку, легонько встряхнул. – Что это было?!

– Духов яр. – Я сглотнул вязкую слюну, до головокружения напрягая колдовское зрение и всматриваясь в разом наполнившийся чернотой овраг. По счастью, лизавшие крутые склоны щупальца тьмы пока наверх выбраться не могли. Точнее не хотели. Пока не хотели. – Уходить надо. Могут и нас попытаться затянуть.

– Давай к Брыльскому, обходим по правой стороне, – распорядился Генералов. – И если еще кто инициативу проявить вздумает…

Путь в обход оврага занял минут двадцать, потом примерно еще столько же времени пришлось тащиться через заснеженное поле, из наметенных ветром сугробов которого торчали жесткие ветви бурьяна. Так что, когда мы с Брыльским наконец добрались до стоявшего посреди поля заброшенного поселка и укрылись от разыгравшейся вьюги за кирпичной коробкой бывшей котельной, я едва не падал с ног от усталости. Еще и ветерок встречный из-под одежды все тепло выдул.

– Теперь куда? – выглянув из-за угла обветшалого здания, Брыльский оглядел соседние развалины.

– Найдем, где ветер не задувает, там и заночуем. – Насколько мне удалось заметить из-за летевшего прямо в лицо снега, две пятиэтажных брежневки стояли посреди поля в окружении нескольких трех– и четырехэтажных зданий. Я обернулся к растянувшемуся цепочкой отряду и вздохнул. Не нравится мне здесь, но делать нечего – все вымотались дальше некуда. Петр и Алина вообще еле ноги переставляют. Да и мне отдых бы совсем не помешал. Хоть, думаю, поспать толком не получится: и на караульных надежды никакой, и самого корежит будь здоров. Еще загнусь во сне.

– Где остановимся? – тяжело выдохнул Генералов и воткнул лыжные палки в снег.

– Я чувствую присутствие темной силы! – не дав мне ответить, дернула его за рукав Алина. – Надо отсюда уходить.

– Что скажешь? – поинтересовался моим мнением командир.

– А тут, окромя темной, никакой другой силы и не бывает, – пожав плечами, улыбнулся я и посмотрел на привалившегося к стене Виктора, который явно держался на ногах из последних сил. – За ночь в поле – околеем на таком-то ветру. Да и опасно…

– Смирнов, Егоров, вон ту халупу проверьте, – Генералов указал подчиненным на ближайшую пятиэтажку и подтолкнул меня вслед за ними. – Тоже сходи, оглядись.

А чего там глядеть-то? Я и так знаю, что нету там никого – пока растянувшийся отряд ждал, колдовским зрением по всем домам пробежался. Хотя… Лучше все же проверить. Мог ведь и пропустить кого-нибудь. Особенно если этот кто-нибудь – не совсем человек. Или совсем не человек. По-всякому оказаться может. Бывали прецеденты…

Заметив, что парни остановились у крайнего подъезда и, настороженно посматривая в разные стороны, дожидаются меня, я высвободил правую руку из меховушки и поудобней перехватил ружье:

– Че стоим, кого ждем?

– Не чуешь разве? – перекрывая завывания ветра, проорал мне Егоров. – Не пойму, что за вонь.

Оттянув от лица вязаную шапочку, я принюхался и действительно уловил какой-то знакомый запах. Не могу сказать, что шибко противный, но и наслаждаться им всю ночь удовольствия мало. Лучше бы другое место для ночевки подобрать, вот только не дело за спиной такие загадки оставлять.

– Ничего не слышите? – Мне почудился легкий скрип, который выбился из монотонного гудения вьюги.

– Ветер это, – уверенно предположил Смирнов. – Ты про запах лучше скажи.

Запах, легкий скрип. Точно же мне кто-то об этом рассказывал! Еще б вспомнить – кто и по какому поводу. Запах,

который, несомненно, кажется знакомым, скрип, перебивающий даже завывания вьюги.

Серки!

– Замрите и не шевелитесь. Чтоб ни звука… – прошипел я удивившимся странному приказу парням. Впрочем, ни переспрашивать, ни спорить со мной они не стали.

Стараясь не переминаться с ноги на ногу, я завертел головой, внимательно осматривая высокие сугробы. Серки – это такие хитрые твари, которые под снегом лазы устраивают. Тут, чуть зазеваешься – хрясь, и ногу по колено оттяпали. И как я сразу этот запах не узнал?

Неприятный скрип, от которого по спине побежали мурашки, стал немного громче и, вскинув ружье, я всадил заряд картечи в снег между нами и стеной дома.

И, конечно, промахнулся – мгновение спустя серая тень взметнулась вверх прямо от крыльца пятиэтажки. Второй раз я выстрелить не успел: две короткие автоматные очереди слились в одну, и подстреленный хищник свалился на снег.

– Отбой, – перезарядив ружье, махнул я рукой лихорадочно оглядывавшимся парням. – Серк это. А раз шкура серебром отливает, значит, самец.

– Ну и? – Егоров носком ботинка пихнул мертвого зверя в голову и, разглядев торчащие из пасти клыки в палец длиной, повернулся к Смирнову. Тому, впрочем, на клыки было плевать – удерживая автомат одной рукой, он уже что-то негромко бубнил в рацию. Видать, Генералову о проис-

шествии докладывает.

– Самцы на свою территорию зимой никого не пускают, только ближе к лету к самкам уходят. – Я поднялся на крыльцо и осторожно заглянул в дверь подъезда. – Фонарик есть у кого? Вот и давайте вперед, я прикрою.

Как я и предполагал – в доме никого живого не оказалось. Мертвых, по счастью, тоже не было. Да и серками в подъезде не воняло – и сквозняки помещение протягивают, и норы у этих тварей запросто на десять метров под землю уходить могут. Так что другого места для ночевки искать не пришлось. Проверив подъезд, мы поднялись в одну из квартир на четвертом этаже, снег на лестничную клетку быстренько покидали да окна по моей настоятельной просьбе брезентом затянули. Не сказать, чтобы пятизвездочные апартаменты получились, но по сравнению с ночевкой на улице – просто курорт.

– Зря это, – неодобрительно покосился на брезент защелкнувший карабин на батарее центрального отопления Смирнов и кинул бухту длинного троса под окно. – Запалимся только. И в спальниках бы переночевали.

– Брезент черный, в темноте хрен разглядишь, – не согласился с ним я. – Да и кто ночью по заброшенному поселку шастать станет?

– Оставляем как есть, – поставил точку в этом споре Генералов. – Егоров, поставь сигналки между первым-вторым

и третьим-четвертым этажами. Смирнов прикрываешь.

– Нижнюю не маскировать? – уточнил Егоров.

– Да. И пролет к пятому этажу перекрой. Черкесов, заступай на караул. Смена раз в два часа. Якубов, Брыльский на кухню. Прикрываете пост на входе. Смена раз в полтора часа. Все ясно? Исполняйте.

Далеко не сразу отдышавшись, я внимательно осмотрел комнату – простая бетонная коробка, даже линолеум не постелен – и, не обнаружив ничего подозрительного, прошел на кухню. И здесь нормально все. Серками, правда, немного воняет, но это не смертельно. Заглянув на обратном пути в ванную и туалет, вернулся к оставленному в коридоре рядом с входной дверью рюкзаку и закинул его на плечо.

Ну что – надо бы и мне приткнуться куда-нибудь.

Протиснувшись мимо вставшего у выхода караульного, я вошел в комнату и, решив далеко не проходить, расстелил подстилку. Здесь, по крайней мере, от окна не так тянет. Да и дверь входную контролировать проще.

Как ни странно, сразу спать никто не завалился. Петр уже увлеченно реанимировал свой ненаглядный ноутбук, Алина бродила по комнате и, макая в баночку с зеленой краской кисть, выводила по углам какие-то непонятные символы. Магии в ее действиях не чувствовалось, но, как говорится: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Пусть рисует, так хоть мозги заняты.

Подчиненные Генералова без излишней суеты расклады-

вали на полу прорезиненные подстилки, а командир то и дело припрягал их к общественно-полезному труду. Убедившись наконец, что все его распоряжения выполнены, Владимир проверил караульных и приказал доставать горелку. И это правильно – немного согреться не помешает, да и чай горячий в самый раз будет.

– Может, двухкомнатную хотя бы займем? – недовольно пробормотал Брыльский. – Чего в полуторке ютиться?

– Ничего: в тесноте, да не в обиде. – Налив себе в жестяную кружку кипятка, Генералов высыпал в него пакетик растворимого какао. – Воздух быстрее прогреется. И вообще – смени Якубова, пусть ужинать идет.

– Так точно, – помрачневший Брыльский утащил свои пожитки на кухню.

– Как самочувствие? – Генералов присел на корточки рядом с ругавшимся себе под нос Волковым. Тот как раз вытащил аккумуляторы ноутбука и осматривал сплавившиеся контакты.

– Сдох, – в сердцах бросил Волков.

– Твое самочувствие как? – уточнил Владимир.

– Я – нет, – буркнул парень и, достав из сумки набор инструментов, принялся трясущимися от усталости руками снимать корпус ноутбука. – Пока.

– Алина, ты как? – поднялся на ноги Генералов и отхлебнул какао.

– Мне здесь не нравится, – поежилась девушка. – Все вре-

мя кажется, что скоро произойдет нечто ужасное. И запах… Пахнет кровью…

– Успокойся, шоколада горячего выпей. – Приобняв Алину за плечи, Владимир усадил ее на подстилку и сунул в руку кружку с ароматным напитком. – Все хорошо будет, это просто нервы.

От запаха саморазогревающихся консервов, которыми ужинали подчиненные Генералова, потекли слюнки, и, наскоро перекусив каким-то паштетом из сухого пайка, я умял полплитки шоколада и запил все это кружкой кофе. Уф, только-только отогреваться начал, а то даже пальцы на ногах не чувствовал.

– Брыльский, ты куда?! – встрепенулся Владимир, когда парень тихонько выскользнул в коридор.

– Мне отлить, – заглянул обратно тот.

– Что за детский сад? – нахмурился Генералов. – Смирнов, проводи. С этажа не уходите. И чтоб больше поодиночке ни ногой!

– Да чего тут случится-то? – пожал плечами Брыльский, но приказа ослушаться не решился. – Валя, давай быстрее – у меня мочевой пузырь не резиновый. Щас лопну.

– Твои проблемы, – усмехнулся Смирнов и, взяв на изготовку автомат, выскользнул в подъезд.

– Духи мертвых, духи живых, – неожиданно вскочила на ноги и закричала уронившая на пол кружку с какао Алина. – Стой, не улетай! Подожди!

– Кто?! – вздрогнул Волков.

– Душа! Моя душа! Держите! – Девушка бросилась к завешенному брезентом окну, но оказавшийся на пути Черкесов перехватил ее и подсечкой сбил с ног.

– Пустите! Пустите! – пытаясь дать волю длинным ногтям, завыла Алина.

– Держите ее! Крепче, чтоб головой не мотала, – подскочил я к извивающейся девушке, которую с трудом прижимали к полу трое здоровенных парней, и выхватил из чехла финку.

– Ты что делаешь? – заорал на меня Генералов, удерживавший Алине голову.

– Ровнее держи! – Я сорвал с головы девушки шапку, отбросил в сторону прядь волос и одним движением руки вывел острием ножа на виске Алины замысловатый колдовской символ.

Она тут же обмякла и перестала вырываться. Взгляд ее прояснился, и она с удивлением уставилась на прижавших ее к полу людей.

– Что случилось? Отпустите меня! Да отпустите же!

– Отпустите, – разрешил я и убрал финку в чехол на ремне. – Теперь можно.

– Что со мной? – Девушка осторожно прикоснулась к порезанному виску и от боли прикусила губу.

– Легкая одержимость. – Я вернулся к своей подстилке и поднял кружку, в которой еще плескалась пара глотков

успевшего остыть кофе. – С непривычки, должно быть.

Черкесов потер располосованное ногтями девушки запястье.

– А порезал ты ее зачем?

– Чары отрицания наложил, – должно быть не очень понятно ответил я. – На некоторое время, Алина, ты от негативного ментального воздействия защищена.

– Насколько именно? – Девушка расстегнула лыжную куртку и принялась поправлять сбившуюся одежду.

– Пока царапина не заживет. И не забудь отцу Доминику сказать, что у тебя чувствительность повышенная.

– Отец Доминик? Это кто? – удивилась Алина.

– Генералов еще познакомит.

– Если приступ повторится, такой порез сделать достаточно будет? – доставшая небольшое зеркальце девушка внимательно осмотрела располосованную ножом кожу. Потом вытащила из кармана блокнот и перерисовала туда сложный завиток колдовского символа.

– Скорее всего… – Пожав плечами, я удлинил на рисунке один из хвостиков руны. Вообще-то, скорее всего – нет. Но зачем заранее человека расстраивать? Попробую небольшой ликбез устроить, глядишь, чего и выгорит. – Ты, когда кожу надрезать начнешь, представляй, что тебя от макушки до пяток пелена накрывает и от окружающего мира отсекает. Можешь на бумаге для начала потренироваться. Тут главное – время правильно рассчитать, чтобы и узор в одном темпе

выводить, и за это время от головы до ног пелену мысленно опустить.

– Хорошо, – кивнула девушка.

– Выпей. – Достав из походной аптечки какую-то таблетку, Генералов булькнул ее в кружку с кипятком и сунул Алине.

– Зачем?

– Чтобы спала лучше.

Девушка безропотно выцедила содержимое кружки и залезла в спальный мешок.

– Справится она? – тихонько прошептал мне присевший рядом Владимир.

– Не справится, вколите что-нибудь убойное и в таком состоянии держите, пока до Доминика не доберетесь.

– Что за черт?! – неожиданно выругался уже довольно давно молча курочивший ноутбук Петр Волков.

– Что еще стряслось? – подскочил к нему Генералов.

– Может, конечно, датчики глючат, но такое впечатление: где-то рядом сжатый пакет радиоданных в эфир ушел. – Волков поднял один из приборов и постучал им о стену. – Нет, наверное, все же глючит.

– Лед? – Вспомнив о моей настоятельной просьбе, Генералов сжевал последние буквы фамилии, так что у него вышло что-то вроде «ледня». – Что по этому поводу думаешь?

– Чужих поблизости точно нет, – уверил его я. – А вот на электронику полагаться не стоит.

– Пусть так. – Непонятно о чем задумавшийся Генералов

присел на корточки рядом с Волковым и тихонько прошептал ему на ухо: – Повторится, ты мне свистни сразу. И лучше не при всех. ОК?

– Договорились.

– Все, тушите свет – спать пора, – хлопнул в ладоши Владимир и один из парней выключил направленный в стену фонарь.

Спать? Вряд ли это хорошая идея. По крайней мере для меня.

Самочувствие, мягко скажем, не очень. А по правде – паршиво себя чувствую, чего уж там. Башка болит, ребра, давным-давно сломанные, крутит, подташнивает еще. Ну и устал, как собака. Прохладно здесь, опять-таки. От промороженного бетона так и тянет пробирающимся под одежду холодком, да и воздух еще толком прогреться не успел.

Что самое паскудное – спать нельзя. Усну – запросто в магическое поле провалюсь. А мне это ни к чему. Мне еще пожить охота. Хотя разве ж это жизнь? Маета одна.

Сосредоточившись на внутреннем зрении, я в очередной раз исследовал окрестности. Вроде тишь да гладь. Чего ж так паскудно на душе? Будто по своей воле в петлю лезу. Алина еще, истеричка, масла в огонь подлила – «случится страшное, случится страшное»! Кассандра хренова. Здесь, чтоб знала, ничего другого и не случается.

Рассеянная в пространстве энергия, как обычно после ис-

пользования колдовских способностей, попыталась захлестнуть меня и наполнить кровь негасимым огнем, но на этот раз ее натиск был куда слабей, чем после перехода. Да и предыдущий опыт помог с ситуацией справиться: небольшое усилие воли, и я полностью закрылся от магических полей.

Интересно, а теперь меня с помощью чар обнаружить можно или как? Вопрос.

К горлу вновь подкатил комок тошноты и пришлось размеренно задышать, борясь с этой напастью. Да что ж такое делается? Не понос, так золотуха. Долго меня еще колбасить будет?

Немного успокоившись, я попытался хоть ненадолго задремать, но и из этого ничего хорошего не вышло: стоило закрыть глаза, как непонятно откуда нахлынуло ощущение, будто в ночной вьюге кто-то, выискивая наши следы, рыщет по заснеженному полю. Крадущееся меж домов пятно тьмы выглядело настолько реально, что по спине побежали мурашки. И преследователь с каждым мгновением все ближе и ближе…

Бред! Нет у меня способностей к ясновидению, нечего даже и расстраиваться. Надо уже спать ложиться, а то с недосыпу всякая дурь в голову лезет.

Тем не менее, на всякий случай решив проверить колдовским зрением окрестности, я только зря потратил время – резкие порывы насыщенной магической энергией вьюги окрасили окружающее пространство молочной белизной,

и ничего толком разглядеть так и не получилось. Откуда же тогда взялась уверенность, что по нашим уже заметенным снегом следам движется угольно-черная тень?

Паранойя? Запросто. Только вот уже даже и не сосчитать, сколько раз паранойя мне жизнь спасала. Может, и сейчас к внутреннему голосу есть смысл прислушаться?

Еще минут десять я ворочался с одного бока на другой, но уснуть так и не смог. Наоборот – становилось только хуже. Все сильнее накатывало щедро сдобренное безнадегой чувство обреченности. Все острее становились уколы тоски. И даже идущий от пола и стен холод, казалось, пытался промо-розить мою душу насквозь.

Я прислушался к монотонному дыханию спящих людей, откинул одеяло и, прихватив ружье, вышел в коридор.

– Куда? – направил на меня автомат карауливший у входной двери Смирнов.

– Отлить.

– Не положено.

– Да иди ты лесом, – Я вышел на лестничную площадку и остановился у темного проема ведущей вниз лестницы. – На каких ступеньках сигналки? – спросил у вышедшего в коридор Егорова.

– Если сверху, то вторая и третья, внизу – четвертая и пятая. Далеко собрался?

– Огляжусь. Из дома не буду выходить, – отчитался я и начал, считая ступеньки, спускаться вниз.

Страшно. Кто знает, что скрывается во тьме? А если это по мою душу Стужа заявилась? И темно ведь еще, как у негра в заднице. Надо было фонарик взять. Ну нет – с фонариком только хуже. Все равно, что закричать: «Вот он я!» Обойдусь уж как-нибудь.

Глубоко вздохнув и поудобней перехватив «Тайгу», я продолжал медленно спускаться по лестнице. Сначала дело шло неплохо, но когда до первого этажа оставалось всего несколько ступенек, на меня вновь накатила волна беспричинного ужаса.

Стоит шагнуть вперед – и тут же кто-нибудь бросится из темноты. Повернуть назад – напрыгнут на спину. Остаться стоять – не выдержит сердце.

Засада, в общем…

Не обращая внимания на заливающий глаза пот, до предела напряг колдовское зрение и осторожно шагнул сразу через две ступени вниз. Никого. Фу-у-у…

Переведя дыхание, я развернулся к двери подъезда и замер как вкопанный: в ночной тьме колыхнулось зеленоватое марево. Ветер ненадолго стих, поэтому и удалось разглядеть медленно приближающееся черное пятно, которое нет-нет да и наливалось ядовитой зеленью болотных огней.

Что за чертовщина?

Перекрестившись, я начал медленно пятиться назад, но почти сразу же уперся в стену. И только осознание того, что отступать больше некуда, придало уверенности и помогло

взять себя в руки. Ну – давай же, ползи сюда, гадина. Уж я тебя свинцом-то накормлю. Жаль только, серебряных пуль нет…

Постепенно обретшее очертания человеческой фигуры темное пятно приблизилось к дому, и я едва не нажал на спусковой крючок. Не нажал, надо сказать, с немалым облегчением.

Все просто: по нашему следу медленно брел Ледяной ходок. И, судя по практически полностью отстреленной голове и заляпанному кровавыми пятнами маскхалату, это был не кто иной, как злосчастный Федоров.

Черт, и чего святой водой следы полить не догадался?

Отойдя от двери, я вытащил из чехла тяжелый экспедиционный нож и прислонил ружье к стене.

Почему не стал стрелять? А чего на эту нежить патроны тратить? Пусть Федоров и не простой мертвяк, а Ледяной ходок – так промерзнуть он, как следует, еще не успел. Мягкий он еще. Пару раз рубануть по правильным местам и дальше хоть голыми руками разделывай.

К тому же очень уж меня светящиеся зеленью нити, которые от солнечного сплетения мертвеца во все стороны расходились, заинтересовали. Никогда ни о чем подобном не слышал. Я и сейчас их непонятно как колдовским зрением разглядел – они едва-едва из окутывающей мертвяка тьмы проглядывали. Что ж, посмотрим поближе на это чудо чудное.

Пару раз взмахнув рукой, пытаясь приноровиться к тяже-

лому ножу, я отступил от двери в сторону и неожиданно понял, что кое-как поднявшийся на крыльцо мертвец меня не видит – медленно вскарабкавшись на площадку первого этажа, он сразу же свернул к лестнице. Ну да – глаз-то у него нет, а посмертным чутьем меня сейчас не различить: от магических полей я наглухо отгородился.

Зайдя за спину добравшемуся уже до середины лестницы Ледяному ходоку, я замахнулся ножом, но неожиданно для себя передумал. Очень уж эти зеленые нити силовые линии непонятного заклинания напоминают, а значит…

Быстро переложив нож в левую руку, я кончиками пальцев захватил тянувшуюся вдоль позвоночника мертвеца силовую нить и перекинул ее на бедро. Пальцы обжег нестерпимый холод, рука онемела почти по локоть, но стоило Ледяному ходоку сделать следующий шаг, как две сместившиеся вниз и перекрутившиеся зеленые нити стянули его ноги. Завалившийся на пол мертвяк попытался подняться на четвереньки, но с каждым движением лишь сильнее затягивал превращенные мной в силок энергетические струны.

Дождавшись, пока мерцание стянутых в узел колдовских нитей полностью затухнет, я ухватил Ледяного ходока за ноги и уволок в одну из квартир. Ему вещички все равно без надобности, а мне сгодятся. Вот только, к сожалению, пустившийся за нами в погоню мертвяк за время пути успел порастерять большую часть снаряжения. Хорошо хоть пистолет в кобуре на поясе оказался.

Ну и что у нас здесь имеется? «Гюрза», она же «Вектор» СР-1. Неплохо, совсем неплохо. Покачав в руке пистолет, я сунул его себе в карман. Мне лишний козырь в рукаве совсем не помешает. А пистолет знатный – еще у Доминика такой приглянулся, – и пробивная способность весьма для нашей специфики подходящая: думаю, даже кольчуги братьев легко прошивать будет.

Поколебавшись, я все же не стал более тщательно обыскивать мертвеца: не то, чтобы противно, просто времени уйдет на это изрядно, как бы меня не хватились. И так подзадержался.

Патронов, правда, раздобыть к пистолету не помешает, но на первое время мне и восемнадцати в магазине хватит.

Наскоро затерев оставшиеся на занесенном снегом полу следы, я быстро взбежал по лестнице и, замедлив шаг, подошел к двери квартиры. По-прежнему куковавший на посту Смирнов опустил автомат и посмотрел на едва заметно светившиеся в темноте стрелки наручных часов:

– Долго ты что-то…

– Живот прихватило, – выдал заранее заготовленное объяснение я и прошел в комнату.

Еще недавно донимавшие меня нехорошие предчувствия сгинули без следа, настроение заметно улучшилось и, опустившись на подстилку, я поначалу не обратил внимания на уколовшее пальцы правой руки легкое жжение. Ерунда какая – морозом прихватило, вот и горят теперь. Размять, да

и все дела.

Вот только жжение проходить не торопилось – наоборот, постепенно иглы боли стали подниматься все ближе к локтю, и нестерпимо заныла онемевшая кисть. Сводящий с ума огонь разгорался все сильнее, а дергающие правую руку судороги стали до ужаса напоминать последствия лечения драконьим огнем.

Не вполне осознавая, что делаю, я сунул правую руку в карман фуфайки и изо всех сил сжал остававшиеся там монеты. Как ни странно – чуть-чуть полегчало. Холодная тяжесть металла остудила горевшие пальцы, и я принялся перебирать монеты одну за другой.

Десятирублевка. Два рубля. Рубль. Рубль. Пять рублей. Десять копеек. Два рубля. Пять рублей. Пятьдесят копеек. Десять копеек. Два рубля. Рубль. Пятьдесят копеек.

И еще раз.

И еще.

И…

Вскоре я уже мог определить каждую монетку на ощупь, но не останавливался и гладил подушечками пальцев нагревшиеся от моих прикосновений кругляши, чувствуя, как понемногу слабеют жжение и боль.

Десятирублевка. Два рубля. Поцарапанная рублевая монета. Пять рублей с глубокой засечкой на гурте. Рубль. Гнутые десять копеек. Стертая двухрублевка. Новехонькая пятирублевая монета. Травленный кислотой полтинник. Де-

сять копеек. Двухрублевая монета со стершимся рифлением гурта. Пятьдесят копеек. Чуть-чуть замятый рубль.

Жжение накатило с новой силой, но к этому времени мне уже удалось привести в порядок свои мысли и понять, что боль рождается в кончиках пальцев, которыми я столь необдуманно дотронулся до зеленой силовой нити ледяного ходока. А если так, что с этим делать?

Закрыв глаза и сосредоточившись, я принялся колдовским зрением изучать бурлившую во мне магическую энергию. Пока ее непонятные завихрения захватили только предплечье правой руки, но постепенно они расходились все дальше и дальше. Это что за напасть такая?

И внезапно меня осенило – всему причиной моя отрезанность от внешних магических полей. Захваченная при переходе энергия оказалась избыточной, но слить ее не хватило ни ума, ни навыков. Неудивительно, что теперь она рвалась наружу через кончики пальцев, которые совсем некстати соприкоснулись с поддерживавшим в Лледяном ходоке жутковатое подобие жизни заклинанием.

И что делать? Перестать отгораживаться от рассеянной в пространстве энергии? Ага, да из-за разности потенциалов хорошо, если на куски не порвет! Мне б какой-нибудь девайс для откачки энергии раздобыть, потенциалы выровнять, а потом блокировку потихоньку и снять. Только вот не найти сейчас ничего подходящего. Если только…

Я изо всех сил зажал в кулаке десятирублевую монету и

попробовал слить в нее хоть малость сжигавшей меня энергии. Получилось? Не уверен, но скорее да, чем нет. Второй в ход пошла посеченная пятирублевка, потом гнутые десять копеек, потом…

Прогнав все монеты по три раза, я решил передохнуть, вытер вспотевшее лицо и неожиданно понял, что боль и жжение почти стихли. Нет, подушечки пальцев еще горели огнем, а кисть нестерпимо ломило, но локоть больше не крутило, словно он угодил в мясорубку, да и припухшие суставы почти не беспокоили. Вместе с появившейся уверенностью в себе открылось второе дыхание, и я с новыми силами начал перебирать тринадцать заветных монет.

Десятирублевка с Гагариным. Рубль с поцарапанным аверсом. Пять рублей с глубокой засечкой на гурте. Испачканная чем-то липким двухрублевая монета. Рубль с небольшой вмятиной у самого центра. Гнутые десять копеек. Стертая двухрублевка. Новехонькая пятирублевая монета. Десять копеек. Травленный кислотой полтинник. Чуть-чуть замятый рубль. Два рубля со стершимся рифлением гурта. Пятьдесят копеек.

И снова. И снова. И снова.

Одуряюще монотонное занятие, которое было сродни попытке вычерпать ведрами бездонное озеро, начало приносить свои плоды только к рассвету. Всю ночь я не сомкнул глаз, вызывая недоумение сменявшихся в карауле парней.

Всю ночь я перебирал монеты и изредка ловил себя на том, что проговариваю про себя слова молитвы. Всю ночь…

Вообще – мне бы еще работать и работать. Но, прекрасно понимая, что могу в любой момент просто потерять от усталости сознание, я пошел ва-банк и на долю мгновения снял отгораживающую меня от энергетического поля блокировку. Висевшая в окружающем пространстве энергия мельчайшим ледяным крошевом нахлынула со всех сторон и промозрозила насквозь, но именно этого мига хватило, чтобы сбить полыхавшее внутри пламя.

Вновь закрывшись от обжигавшего нестерпимым морозом энергетического поля, я с трудом перевел дух и облегченно растянулся на подстилке.

Жив. Жив. Жив!

Чуть не сдох, блин. Опять по самому краю прошелся. Ничего, теперь умнее буду. И что б мне сразу щель для стока излишков энергии не оставить? Так нет – я ж крутой, полностью закрылся. И в итоге массу острых впечатлений на свою пятую точку заполучил. Дятел.

Зато меня Ледяной ходок не заметил. Хм… Тоже дело.

Глубоко вздохнув, я намеренно ослабил отгораживающий от полей магической энергии щит, так, чтобы в нем появилась небольшая брешь, и с чувством выполненного долга закрыл глаза. Пусть теперь меня колдовским зрением любой желающий обнаружит, зато можно не опасаться, что от разности потенциалов кровь закипит или, того хуже, – застынет.

А закрыться при необходимости дело недолгое. Успею, если что…

Проснулся я так же легко, как незаметно задремал. Раз – и вынырнул из неглубокого сна, будто и не спал вовсе. Самочувствие – замечательное. Ничего не болит, нигде не ломит, голова – ясная-ясная. Как стекло водочной бутылки. Живи и радуйся вроде бы, но…

Одно непонятно: что же стало причиной пробуждения? Точно не холод – воздух в комнате за ночь заметно прогрелся. Вроде бы шум посторонний на улице послышался… Или просто какая-то хрень приснилась?

Заметив, что лежавший у противоположной стены Генералов тоже встрепенулся и вслушивается в дыхание спящих людей, я откинул одеяло с лежавшего под боком ружья. Не почудилось, выходит. Или, может, обойдется?

Раздавшийся у входной двери тихий хлопок и последовавший за ним легкий шорох моментально убили эту нелепую надежду. На статус профессионала рассчитывать не могу, но уж почти бесшумный из-за использования глушителя выстрел ни с каким другим хлопком не спутаю. Это факт.

Встретившись взглядом с Генераловым, я прочел у него в глазах то же, о чем сейчас думал и сам: «Звездец. Нам звездец. Нам полный звездец».

Вот тут в полной мере и проявилась разница между немного пообтершимся в этом не самом дружелюбном ми-

ре обывателем и настоящим профессионалом. Я еще только хватал лежавшее на полу ружье, а отпрыгнувший с лежанки Генералов уже оказался рядом. Так что, когда показавшийся в дверном проеме Брыльский полоснул из автомата по спящим у противоположной стены людям, Владимира среди них не оказалось.

Автоматная очередь прошила тела парней, угодившие в пол пули срикошетили от бетона и со свистом разлетелись по комнате. От грохнувшего над плечом пистолетного выстрела заложило левое ухо, и выронивший автомат Брыльский с простреленной головой навзничь повалился в коридор. Не теряя времени, я подскочил к двери и почти в упор всадил заряд картечи в человека в зимнем камуфляже, прежде чем луч закрепленного под стволом его автомата фонарика выхватил меня из тьмы.

Мужика, перепрыгивающего через застреленного в спину Смирнова, вышвырнуло обратно в подъезд. Я непонятно зачем выстрелил из нарезного ствола в пустой дверной проем, прижался спиной к стене и переломил ружье.

А события тем временем и не думали стоять на месте: промелькнувший мимо меня Генералов метнул в подъезд рубчатое яйцо ручной гранаты, следом еще одно и тут же заскочил обратно в комнату.

Грохнуло знатно. Два взрыва почти слились в один, пол ощутимо дрогнул, а с потолка посыпалась бетонная пыль. Но Владимиру и этого показалось недостаточно – вместе с чу-

дом уцелевшим в устроенной Брыльским бойне Егоровым он выскочил из квартиры. Вот так дела…

Поколебавшись, я решил остаться на месте – все одно только мешаться под ногами буду, еще пулю ненароком словлю. Лучше уж с помощью внутреннего зрения попытаться обнаружить напавших на нас людей. Только чую, ничего из этой затеи не выйдет: как тут сосредоточиться, когда дверь под прицелом держать надо? Не до транса.

Вновь громыхнул взрыв, протарахтело несколько автоматных очередей, и только потом уже наступил тишина. Тишина, конечно, относительная – плач Алины и бестолковая суета Волкова здорово мешали прислушиваться к доносившимся из коридора шорохам.

– Замри! – прикрикнул я на взявшую наконец себя в руки девушку, которая решила оказать первую помощь расстрелянным Брыльским парням.

– Но они…

– Ты им уже ничем не поможешь. – Одному подчиненному Генералова несколько пуль пробили грудную клетку, у второго оказалась прострелена голова.

– И что нам делать? – поджав ноги к груди, уселась на пол в углу комнаты Алина.

– Петр, да брось ты свою сумку! Хватай автоматы и быстро сюда! – прикрикнул я на Волкова. От него, думаю, толку немного, но так у меня под рукой хоть пара стволов будет.

– Не стреляй, это мы, – заранее оповестил о своем возвра-

щении Генералов, и я с облегчением перевел дух. Но ружье тем не менее опускать не стал. И лишь когда вслед за командиром в квартиру вошел слегка хромавший Егоров, окончательно успокоился и вытер покрывшееся испариной лицо.

– Что происходит?! – тут же завизжала вскочившая на ноги Алина.

– Успокойся. – Владимир быстро осмотрел тела подчиненных и тяжело вздохнул. – Лед, бери автомат и патроны. Надо уходить.

– Могут вернуться? – поинтересовался Волков и выкинул на пол обломки пластикового корпуса какого-то измерительного прибора, расхлестанного срикошетившей автоматной пулей.

– Возвращаться некому, но они могли быть не одни – мне перед атакой шум мотора послышался. – Генералов быстро распотрошил рюкзаки убитых и по одному ему понятному принципу отсортировал вытащенные из них вещи. – Так что живее!

– Мотора? – удивился я, убирая в чехол «Тайгу», и взамен нее накинул на плечо ремень автомата. – Как они сюда проехали бы? Да и нету сейчас поблизости никого.

– Поблизости – это насколько? – опередив командира, поинтересовался державший под прицелом дверь Егоров.

– Метров сто, – прикинул я.

– Откуда знаешь? – насторожился Генералов.

– Дар у меня, – сознался я.

– А говорил – не колдун.

– Мало ли чего я говорил.

– Вот как?

– Да хватит вам препираться! – неожиданно прикрикнула на нас Алина. – Я чувствую приближающуюся опасность! Надо отсюда уходить!

– Помолчи, – резко оборвал ее Генералов и гораздо тише добавил: – Истеричка.

Думаю, Алина прекрасно расслышала и второе слово, но виду не подала и с остервенением закинула за спину рюкзак.

– Витю ножом. – Егоров, заглянув на кухню, почти сразу же вернулся обратно. – Во сне, сука…

– И все же – что происходит? – Волков осторожно оттянул край брезента и выглянул в окно. – Это же Брыльский был!

– От окна отойди! Жить надоело? – резко дернул его внутрь комнаты Генералов. – Все! Уходим, разговоры позже. Егоров, «Выхлоп» забирай.

Я осторожно выглянул в подъезд и аккуратно переступил через труп мужчины в камуфляже натовского образца, которому пару минут назад разворотил грудь выпущенным почти в упор зарядом картечи. Кровищи-то натекло…

– Не вляпайтесь, – предупредил я идущих следом Петра и Алину. – По крови выследить могут.

– Это как? – придержал меня за плечо бесшумно выскочивший из квартиры Генералов, взмахом руки отправляя Егорова вниз по лестнице.

– Есть способы.

Встав у стены, я оглядел посеченные осколками гранат стены и нахмурился: неподвижно валявшийся на площадке лестничным пролетом ниже мужик тоже оказался одет по меркам Приграничья весьма добротно: зимний камуфляж, высокие ботинки на меху, новенькие кожаные перчатки. Не нравится мне это – мало кто из бандитов может себе позволить такой экипировкой обзавестись. Да и короткие автоматы иностранного производства выглядят весьма впечатляюще и очень недешево.

– Двигай, двигай, – поторопил меня Генералов, и об обыске трупов пришлось забыть. – Не время…

Да я и сам прекрасно это понимал: трупов – трое посечены осколками, двое застрелены, – оказалось пять, а где шастают пять до зубов вооруженных абреков, там и еще десяток запросто в скором времени объявиться может. Вот и сердце у меня чего-то покалывает. Не к добру это…

Первым спустившийся на первый этаж Егоров выходить на крыльцо не стал, а вместо этого, используя длинный тесак как рычаг, выломал закрывавший спуск в подвал проржавевший лист железа. Вот это правильно – мало ли кто нас на выходе караулит. Пальнут из снайперской винтовки или ручного гранатомета и все дела. А, судя по экипировке нападавших, такой вариант к разряду фантастических отнести никак нельзя. Думаю, нам вообще повезло, что так легко отделались. Не надейся эти типы на Брыльского, еще неиз-

вестно, чем бы штурм закончился.

– Спускайтесь быстрее, – подтолкнул замешкавшегося Волкова в спину настороженно поглядывавший в сторону входной двери Генералов. – Да живее!

– Живее-то оно живее, – притормозил его я, – но давайте поаккуратней, а то мало ли…

И в самом деле – пробираться через донельзя захламленный подвал оказалось весьма нервным занятием. Особенно для меня. Остальные-то специфики таких вот заброшенных подземелий не знали и собирались промчаться в другой конец дома лихим кавалерийским наскоком. Быстренько пробежаться, значит, по темному узенькому проходу и рвануть отсюда куда глаза глядят. Пришлось объяснить возможные последствия таких необдуманных действий. Проняло…

Так что передвигались мы по подвалу черепашьим шагом и настороженно вглядываясь во все темные закутки. Петр и Алина освещали путь мощными армейскими фонарями, но все равно заметить паутину навь-паука удалось только чудом: Егоров случайно зацепился висевшим за спиной чехлом со снайперской винтовкой о торчавший из стены обрезок трубы и обратил внимание на блеснувший под ногами серебристый узор призрачного плетения. Сизые грибы и жгучая плесень тоже могли доставить кучу неприятностей с вполне себе летальным исходом, но их, по крайней мере, можно было обнаружить, не разглядывая стены под микроскопом. А вообще нам еще повезло – облюбуй этот подвал

под логово какая нечисть, и пришлось бы возвращаться обратно.

– Стой, – остановил я уже выломавшего прогнившую дверь подвала Егорова, когда тот собирался выглянуть в подъезд. – Ну-ка потеснись…

Протиснувшись мимо него, я присел на четвереньки и подобрался к подъездной двери – точнее, пустому дверному проему. На улице никого, в том смысле, что никого не видно. Вот только можно ли в этом мире доверять собственным глазам? Совсем не факт. Отодвинувшись в глубь подъезда, я закрыл глаза, и на мгновение перед моим внутренним взором загорелись огоньки чужих жизней.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть…

Многовато, однако. Четыре ауры позади меня – это Егоров, Генералов, Петр и Алина. Кто еще двое? И что они делают на окраине этого забытого Богом и заброшенного людьми поселка? По своим делам сюда одновременно с нами заявились? Не верится мне в такие совпадения.

Постаравшись выкинуть из головы посторонние мысли, я попытался более точно определить укрытие чужаков, но практически в этом не преуспел: возникшая перед мысленным взором картинка оказалась на редкость расплывчатой и невнятной. А с другой стороны – разве можно ожидать чего-то другого? Без постоянной практики да едва отойдя после вчерашнего весьма нехилого магического отката? Хорошо хоть вообще что-то разобрать удалось. К тому же ясно-

видение никогда не было моим коньком. Да и вообще с колдовством как-то не шибко гладко отношения складывались.

– Двое где-то вон за тем домом схоронились, – указал я на стоявшее на окраине поселка двухэтажное здание. – Что делать будем?

– Егоров, все слышал?

– Да.

– Пошли, – оттеснил меня к стене направившийся к выходу из подъезда Генералов. – Ждите нас здесь.

Обогнав командира, Егоров первым выскользнул на улицу, перебежал через детскую площадку, прижался спиной к стене противоположного дома и осторожно выглянул из-за угла. Пока он контролировал обстановку, Генералов, увязая в глубоких сугробах, миновал открытое пространство и назидательно махнул нам рукой: мол, не отсвечивайте.

Дальше они так и передвигались: один прикрывает, второй бежит к следующему укрытию. Когда парни скрылись за одним из полуразрушенных домов, я опустился на колени, положил перед собой рюкзак и приладил сверху автомат – так хоть упор будет. Да и какое-никакое укрытие. Сзади шумно сопел усевшийся на ступеньки Волков, но сейчас было не до него: тут как бы чего важного не проморгать. Неизвестно ведь еще, чем дело закончится. Могут и положить наших, если уж на то пошло.

Эх, надо было с ними идти!

Поймав через несколько минут ожидания себя на этой мысли, я усмехнулся. А смысл? Только обузой был бы. Уж если они сами не справятся… И что тогда делать? Дожидаться темноты и уходить? Думаю, что так – в светлое время суток незаметно выбраться из поселка шансов мало. С другой стороны, команде профессионалов зачистить наше здание много времени не понадобится, а значит, придется менять укрытие. И что тогда делать со следами на снегу? Хоть бы вьюга началась, что ли.

Я глянул на пасмурное небо, и в этот момент за домами хлопнуло несколько одиночных выстрелов. Раз, два, три… Все? И кто кого?

Вытерев рукавом фуфайки вспотевшее лицо, я поудобней перехватил АЕК-973 и шикнул на забеспокоившуюся Алину, которая протиснулась к выходу из подвала мимо сидевшего на ступеньках с автоматом в руках Волкова. Но она не обратила внимания на мое предостережение.

– Что происходит?

– Помолчи, – буркнул я в ответ и облегченно перевел дух, когда из-за развалин двухэтажки выскочил Генералов и засемафорил нам руками.

Неужели все? Быстро они управились.

Ухватив за шиворот выглядывавшую из-за меня Алину, я чуть ли не силой вытолкнул ее из подъезда:

– Бегом!

От неожиданности девушка взвизгнула, но мешкать не

стала и, вцепившись в сумку, побежала к Генералову. Тот держал одной рукой нацеленный в небо автомат и нервно посматривал по сторонам.

Из-за дома послышался шум прогревавшегося автомобильного двигателя, и у меня екнуло сердце: отправить за нами до зубов вооруженную группу захвата, да к тому же еще снабдить ее автотранспортом было под силу очень и очень немногим. Я бы поставил на Дружину или Город, но те мудрить не стали бы и просто в окно из гранатомета засандалили. Выходит, кого-то требовалось взять живым?

Пропустив выскочившего вслед за девушкой Волкова, который неосмотрительно закинул автомат за спину, я выждал несколько мгновений и поспешил следом. Бежать по глубокому снегу было непросто, но, выдергивая из снежного плена по колено проваливавшиеся ноги, я не забывал посматривать по сторонам. Не хотелось бы в самый последний момент свинцовый подарок в спину заполучить. Тем более исключительно из-за собственной невнимательности.

Нагнав начавшего задыхаться от бега по сугробам Петра, я легонько подтолкнул его в спину и остановился поправить болтавшийся на плече чехол с «Тайгой». Поправил, перехватил автомат и быстро осмотрелся по сторонам. Все чисто. Но чего ж так на сердце тяжело? Не выспался, должно быть…

Генералов опустил автомат, подхватил едва не падавшую с ног Алину под руку и поволок ее к здоровенному, песчаной расцветки «хаммеру», за рулем которого уже сидел Егоров.

Американский военный внедорожник смотрелся настолько чужеродно на фоне заснеженного поля и обветшалых развалин, что от удивления я чуть не раскрыл рот.

Да этот монстр столько горючки жрет, что дешевле его человеческой кровью заправлять! И откуда он здесь взялся вообще? Это ж не цивильная вторая модель, а армейский оригинал, даже зачехленный пулемет имеется. Ладно, откуда он здесь взялся, вопрос десятый, главное, мы теперь отсюда с ветерком умчаться можем. Вон – метрах в тридцати какая-то дорога проходит.

Распахнувший дверь автомобиля Генералов закинул на заднее сиденье сумку Алины, потом запихнул туда ее саму и повернулся к едва ковылявшему Петру:

– Быстрее!

Напоследок оглянувшись по сторонам, я бросился к машине, но из-за неожиданно подкосившейся правой ноги почти сразу же рухнул в сугроб. Тут же вскочил, краем уха отметил какой-то негромкий хлопок и, пробежав всего пару шагов, вновь повалился на снег – нога наотрез отказывалась разгибаться, к тому же чуть выше колена заворочалась острая боль. Что еще за напасть?

Опустив взгляд, я оторопело уставился на непонятно откуда появившуюся на правой штанине дырку, плотная материя вокруг которой уже начала пропитываться кровью. Хотя что значит – непонятно откуда? Меня ж подстрелили!

Подтверждая эту догадку, по ветровому стеклу внедорож-

ника побежала цепочка расползавшихся паутинками трещин пулевых отметин. Выпустивший поверх меня длинную автоматную очередь Генералов рыбкой нырнул в распахнутую дверь, и «хаммер», выдав из-под колес фонтаны снега, развернулся в сторону дороги. Посланные ему вдогонку пули срикошетили от бортов, и не получившая никаких серьезных повреждений машина медленно вылезла на укатанную дорогу и рванула прочь.

Не обращая внимания на обильно кровоточившее сквозное ранение, я за ремень подтянул к себе чехол и, рванув застежки, вытащил из него «Тайгу» – ползти за валявшимся в паре метров автоматом не было сил. Времени на эту возню ушло немало, и в выглянувшего из-за угла двухэтажки мужика в коротком полушубке и мохнатых собачьих унтах стрелять пришлось уже навскидку. Неудивительно, что прицел оказался взят слишком высоко, и картечь прошла мимо, выбив кирпичную крошку из стены дома. Присев от неожиданности, мужик пальнул в мою сторону из охотничьего карабина и вновь спрятался за угол.

Черт! Чуть ведь не уложил гада!

И что делать? Мне отсюда с простреленной ногой не уползти, даже если получится отбиться. Разве что Генералов вернуться успеет. Надеюсь, ему хватит ума пулемет расчехлить…

Краем глаза приметив движение, я выстрелил почти не целясь, но на сей раз мне улыбнулась удача – словивший пу-

лю бородач, который непонятно для чего решил перебежать от одной развалины к другой, как подкошенный рухнул на снег. И все же большим успехом считать это было рано: даже не попытавшись подхватить оброненный автомат Калашникова, подранок в считаные мгновения на четвереньках добрался до ближайшего укрытия – едва выглядывавшего из сугроба основания бетонного забора, – и схоронился за ним.

Злорадно оскалившись, я переломил ружье и в этот момент по правой стороне груди словно с размаху плашмя долбанули лопатой. Меня отбросило навзничь, а в следующее мгновение резкая вспышка боли вышибла сознание из тела куда-то очень и очень далеко. Туда, откуда, как правило, не возвращаются. Как правило…

Глава 3

Казавшееся бесконечным падение в бездонную черную яму закончилось в один миг. Нет – светлее не стало. И полет не замедлился. Просто меня, как заглотившую крючок рыбину, подсекли и стремительно рванули назад.

И все равно – темно. Не вижу ни черта. Еще и мерзкий привкус хвои во рту. Он-то откуда взялся?

Попробовав пошевелиться, я без особого удивления обнаружил, что руки примотаны чем-то мягким к кровати, на которую меня непонятно зачем сгрузили. С чего бы это такая забота? Раз уж подстрелили, так и оставили бы в снегу подыхать. К чему эти хлопоты?

Осторожно притянув правую руку, мне удалось высвободить ее и провести ладонью по лицу. А это еще что за ерунда? Сорвав с головы опущенную на глаза шапочку, я отшвырнул ее в сторону и тут же зажмурился от яркого света, нестерпимо заколовшего привыкшие к темноте глаза.

Черт! Аж слезы выступили.

– О! Смотри – очухался, – хмыкнул кто-то сидевший на подоконнике, чья фигура была почти неразличима из-за светившего в окно солнца.

– А чего б ему, Тимоха, не очухаться-то? Две дозы «Небесного исцеления» вкололи, – буркнули в ответ из противоположного угла.

«Небесное исцеление»? Теперь понятно, откуда привкус хвои во рту взялся. Перегнувшись через край кровати, я сплюнул на пол длинную струю зеленоватой слюны и, часто-часто моргая, огляделся.

Пустая комната с побеленными известкой стенами и потолком. Окно одно (за ним мохнатые елки и высокий забор с пущенной по верху колючкой), дверь усилена прибитыми крест-накрест брусьями. Доски пола выкрашены желтой краской. Рядом с входом на стене закреплен кованый держатель для факела, над ним темное пятно закопченного потолка.

Караульных двое. Оба – бородатые мужики лет под сорок в вязаных шерстяных кофтах и теплых штанах. У того, что на подоконнике, на коленях лежит обрез, второй хоть карабин к стене и прислонил, постукивает по ножке деревянного стула длинной дубинкой.

Шансов уделать их – ноль. Кто-нибудь обязательно зацепит. Да даже если и выгорит – дальше что? Нет, ждать надо. Желай они меня на убой пустить, «Небесным исцелением» пичкать не стали бы. Вот это, честно говоря, и настораживает…

Я осторожно высвободил левую руку и по горло натянул колючее самотканое одеяло. Что-то никак не пойму: сильно мне плохо или уже не очень? Будто на гребне волны качаюсь и в какую сторону бухнусь – пока еще непонятно.

– Юрку сильно зацепило? – не обратил на мое движение

никакого внимания сидевший на подоконнике Тимоха.

– Да какой там! Пуля чуть выше колена шаркнула. Царапина. Демьян ему уже и звездюлей отсыпать успел, – ковыряя отваливавшуюся небольшими кусочками штукатурку дубиной, зевнул качавшийся на стуле охранник.

– Чего-то чудит он у вас в последнее время, – удивился Тимоха. – Ты вот, Коля, сам посуди – нешто Юрка виноват, что его подстрелили?

– Не виноват, конечно, о чем речь. Но он же «калаш» свой в сугроб обронил, еле отыскали. Полчаса через это дело угробили. – Коля качнулся назад, и спинка его стула уперлась в стену.

– А! Тогда другое дело. Тогда удивительно, что Демьян с него три шкуры не спустил. Какой-то он добрый сегодня.

– Ну так! Со жмуров столько барахла подняли! Да еще, говорят, этим гавриком Сам заинтересовался. – Коля ткнул в меня дубинкой и вновь широко зевнул. – Демьян в шоколаде, чего ему психовать?

– Сам? Брешешь, поди, – засомневался Тимоха.

– Да вот те крест, – перекрестился тот. – Вроде как он за проводника у той гоп-компании был.

– Кондуктор? Ну если так…

– Уважаемые, а нельзя ли водицы? – прохрипел я пересохшим горлом, решив, что ничего интересного караульные при мне все равно не скажут, а подохнуть от жажды после всего пережитого совсем уж западло.

– Вот ведь Касьян кудесник какой – время тютелька в тютельку рассчитал, – посмотрев на наручные часы, усмехнулся Коля и несколько раз тюкнул дубинкой в дверь.

– Да прям, тютелька в тютельку! – фыркнул Тимоха и, пригладив окладистую бороду, спрыгнул с подоконника на пол. – Пять минут назад срок был.

– Подумаешь! – Коля засунул дубинку за пояс и, подхватив приставленный к стене карабин, подошел к открывшейся двери. – Этот, может, терпеливый?

И вот тут началось самое интересное. В комнату вкатили сервировочный столик, следом внесли два плетеных кресла. Такие же бородачи, как Тимоха и Коля, выставили все это хозяйство на середину комнаты и немедленно удалились, не забыв закрыть за собой дверь.

Это что еще за дела?

От вида стоявшей на столике батареи бутылок я невольно сглотнул, по горлу словно провели наждачной бумагой. Полцарства за кружку чего-нибудь холодного!

Но стоит ли? Невежливо начинать трапезу без хозяина, знаете ли. А два стула ясно показывают, что спрятанные под хромированными крышками блюда и фруктовое ассорти в хрустальной чаше предназначены не только для меня. Если не сказать – совсем не для меня.

Неловко пошевелившись, я сморщился от заворочавшегося в груди клубка боли. Сунул руку под одеяло и провел пальцами по припухшей и покрасневшей коже – да уж, здо-

рово меня зацепило, могли и не откачать. Хмыкнув, завел руку за спину и прикоснулся к даже большему по размерам пятну на спине. Ага, теперь понятно, почему две дозы «Небесного исцеления» вкололи. А еще ведь и нога прострелена была. Теперь тоже только два припухших пятна о прошедшей навылет пуле и напоминают.

Поежившись, я попытался с помощью простенького колдовства проверить угощение на наличие каких-либо нехороших сюрпризов и сразу же понял: ни черта не выйдет. Элементарное заклинание никак не желало срабатывать. Вот уж не знаю, что тому причиной – мое собственное в последнее время в этом плане бессилие или странным образом заблокированные магические потоки. Нет, силовые поля в комнате никуда не делись, просто дотянуться до них никак не получалось.

И как это понимать? Ладно, сам от магического излучения закрываться научился, но как с другим человеком такой фокус провернуть? Никогда ни о чем подобном не слышал.

Не в состоянии больше терпеть резь в пересохшем горле, я прошлепал босыми ступнями по холодному полу – вот ведь ироды, до трусов раздели! – налил в одну из кружек воды из стоявшего на столике графина и залпом ее выдул.

Ух! Будто заново родился. Может, тогда заодно и зажевать чего-нибудь?

Но подкрепиться мне уже не удалось – в бесшумно открывшуюся дверь шагнул высокий худой человек в свобод-

ного покроя белоснежной одежде.

Человек?! Какой это, на хрен, человек?!!

Стеклянная кружка выскользнула из пальцев и вдребезги разлетелась, ударившись о пол. Да и сам я с трудом удержался на подкосившихся ногах. Удержаться – удержался, но от греха подальше опустился в одно из плетеных кресел.

Хранитель! Или не он?

Сложение, тип лица, бледная кожа, даже походка – один в один. Близнецы-братья, да и только. Но все же не он. Почему? Глаза другие. У Хранителя они чисто белые были, только когда нервничал или колдовал, вокруг зрачков голубые искры плескаться начинали. А у этого – синие-синие, зрачок и вовсе бездонно-черным кажется. Кожа тоже, хоть и бледная, но все же не белая. Да и морщины невооруженным глазом видны, при том, что у Хранителя лицо было гладкое, как фарфоровая маска.

Эх, жаль, ауру рассмотреть возможности нет! Как только он вошел, магические поля вокруг сразу же завихрились и окутали его непроницаемым для колдовского зрения коконом. Блин, на такой фокус Хранитель не способен был. Ох, чую – вляпался…

Не обратив на мое замешательство никакого внимания, белый человек придвинул второе кресло к столику, уселся в него и приподнял крышку с блюда, как оказалось, с запеченной форелью.

– Угощайся, Лед, угощайся, – посоветовал он, двузубой

вилкой перекладывая одну из рыбин к себе на тарелку. – А то остынет…

Тихий голос окатил студеной водой, а собственное прозвище окончательно убило надежду на то, что произошло какое-то недоразумение.

– А вы, собственно, кто? – Обреченно вздохнув, я потянулся за тарелкой, но остановил руку на полпути. Ох, боюсь, не понравится мне ответ, ох не понравится. – С незнакомыми людьми, знаете ли, стараюсь не обедать.

– Какой обед? Ужинать впору, – прищурился белый человек, стужи в голосе которого могло хватить, чтобы проморозить до дна какое-нибудь не самое мелкое озеро. – А насчет познакомиться… Меня здесь все по-простому – Хозяином зовут.

– Хозяином чего? – не удержался от подначки я и тут же об этом пожалел – из-за промелькнувших в глазах белого человека искр по спине побежали колючие мурашки.

– Всего. – Мой собеседник отпил из бокала шампанское и на тонком стекле остался прозрачный след изморози. – А не нравится, можешь никак не звать, не обижусь.

– Да ладно, чего уж там. Хозяин так Хозяин. Только вызывающе это как-то…

– Вызывающе? Вот уж нет. Нездоровые амбиции мне не свойственны, уж поверь на слово. Ни к чему хорошему они не приводят. – Хозяин прищурился и посмотрел мне в глаза. – Возьмем хоть одного недалекого кондуктора: всех во-

круг пальца обвел, но из этого гиблого места вырвался. Ему б дальше жизни радоваться и обратную дорогу позабыть, так нет – зачем-то в эту змеиную яму вернуться решил. Решил, что умнее всех и может запросто шляться туда-обратно? Еще и шваль какую-то с собой притащил. Глупо.

Не дождавшись моей реакции, но приняв молчание за знак согласия, Хозяин продолжил:

– Неужели непонятно, что у кондуктора-одиночки при текущем раскладе сил перспектив никаких? Слишком значимую роль они в жизни Приграничья играют. Не могут такие дела сами по себе происходить, не могут…

– Так вот чей вы хозяин, – пробурчал я, припомнив смутные намеки, на которые когда-то наткнулся в бумагах Жана. – Выходит, всех под себя подмяли?

– Всех не всех, но только в окрестностях Североречен-ска без моего ведома никто через границу перейти не может. И как только ты решил, что держишь Бога за бороду, наша встреча стала неизбежна. Не сегодня, так завтра.

– Ага, с вашей-то любовью к конкурентам ее точно было не избежать, – неожиданно для себя совершенно успокоился я и, приподняв одну из крышек, принюхался к аромату ухи. Понятно теперь, от чего в последнее время кондукторы скоропалительно в мир иной отходить стали. Вот он звериный оскал монополиста.

– Конкурентам? Конкуренты ли мыши-полевки жнецу? Нет. Но если их станет слишком много, они сожрут весь

урожай. Иногда жесткие меры просто необходимы, чтобы не дать горстке безмозглых рвачей загубить дело, на которое потрачено столько сил.

– От меня вы чего хотите? – поинтересовался я. Ну вот, чую, и тут меня в бессрочное рабство закабалить хотят. Когда ж это все кончится уже? – Учтите: на роль мальчика на побегушках я подхожу плохо – и так чуть не сдох, пока через границу шел. Ладно, сам загнусь, а ну как с грузом? Хотите, лучше дам честное слово уйти и обратно ни ногой?

– Любой, у кого не хватает ума найти нормальное окно, рискует застрять между мирами, – нравоучительно изрек Хозяин и вдруг резко подался вперед. Его худое лицо вмиг заострилось, став похожим на обтянутый почти прозрачной кожей череп с двумя темными провалами глаз. – А вот обратно тебе пока не уйти. У меня на тебя другие планы.

– Какие такие планы? – Ничего не оставалось, как поинтересоваться мне, хотя шансов услышать в ответ что-нибудь успокаивающее было очень и очень немного.

– Не догадываешься? – усмехнулся Хозяин. – А мог бы. Мы ж все же братья, пусть и сводные…

Незаданный вопрос застыл у меня на языке и, чувствуя, как хрустнули под судорожно сжавшимися пальцами плетеные подлокотники, я уставился на вытащенный из многочисленных складок просторного одеяния Хозяина длинный нож.

Темно-синее лезвие, знакомый зеленоватый узор и режу-

щая лучше всякого дамаска лютая злоба, впаянная в остро заточенный металл. Злоба, почувствовать которую можно еще до того, как нож вонзится тебе меж ребер и вытянет душу. И даже извечная стужа пасовала перед этой злостью, боясь лишний раз коснуться обладателя такого клинка. Вот только надо еще разобраться – хозяина или раба?

И все же это не мой нож, а его брат-близнец. Дело даже не в немного отличающемся по цвету узоре на лезвии – просто свой клинок я ни с каким другим не спутаю. Связаны, мы с ним, крепко-накрепко связаны. Уверен – мне и теперь ничего не стоит его почувствовать, стоит только захотеть.

Не хочу…

Ежась от озноба, я уже набулькал себе полкружки водки, но неожиданно понял, что не смогу выпить ни капли. Все желание напиться вмиг куда-то подевалось, когда в глаза братцу самозваному заглянул. Под простого человека он куда лучше Хранителя маскировался, вот нет-нет, да и мелькали в его глазах отблески эмоций. И сейчас ничего, кроме презрения, там не было. Даже стужа на второй план отошла.

Вообще – я бы выпил. Из принципа. Начхать мне на его презрение потому что. Но чую – от этого разговора слишком многое зависеть будет, а как на меня водка сейчас подействует, понятия не имею. А ну как с голодухи башню сорвет? Пошлю его – и закопают в первый попавшийся сугроб, предварительно голову оторвав. Нет, уж лучше водичкой горло промочу.

– Кто вы такой? – отставив кружку с водкой в сторону, я налил в первый попавшийся стакан воды и влил его в себя в два длинных глотка.

– Как, разве один весьма настырный Третий Хранитель Знаний тебя не просветил? – засмеялся Хозяин, и в его смехе зазвенели бесчисленные льдинки. – Какое упущение с его стороны!

– Ну звание у вас, думаю, никак не ниже первого, – наугад катнул я пробный шар, решив, что бессмысленно врать, будто не знаю никакого Хранителя.

– Первый? Первый – один. Остальные так, на подхвате. – Мой собеседник взял из вазы виноградину и раскусил ее – оставшаяся в его пальцах половина оказалась промороженной насквозь. Словно не заметив этого, он закинул в рот и ее. – Я, впрочем, в первые никогда и не рвался…

Мне осталось только втянуть голову в плечи, столько лютой ненависти прозвучало в этих словах.

– Значит, про меня он тебе не рассказывал? – уже совершенно спокойно переспросил Хозяин, встал из-за стола и подошел к окну. По стеклу немедленно поползла белая паутина изморози. – Зато, думаю, про нашествие Стужи и героическое спасение мира он молчать не стал. Не стал ведь?

– Нет, – уже ни черта не понимая, покачал головой я.

– Надеюсь, ты не поверил в эту чушь? – тихонько рассмеялся вдруг Хозяин, на мгновение став похожим на обычного, завернувшегося в белую простыню чудака. – Коварные слуги

Стужи, мудрые Хранители, подвиг пяти избранных, отдавших свои жизни ради спасения мира. Или он выдумал что-то новенькое?

– Да нет, все верно вроде говорите. – Я отодвинул от себя почти полную тарелку с остывшей ухой, чувствуя, что все равно не смогу больше запихнуть в себя ни ложки. – В общих чертах…

– Заруби себе на носу, мальчик: не все так просто. А когда у тебя появится иллюзия, будто примкнул к силам добра и спасаешь мир, вспомни мои слова. Вспомни и воздержись от необдуманных поступков. – Хозяин начал пальцем выводить на оконном стекле какой-то сложный символ, но, не закончив, стер его одним решительным движением ладони. Уж не знаю почему, но в комнате сразу похолодало. – Магия в нашем мире присутствовала всегда, и всегда были люди, способные ею управлять. И пусть первоначально Мудрые не стремились к власти, на каком-то этапе именно они начали принимать все мало-мальски значимые решения. Не буду рассказывать, каких высот достигло тогда магическое искусство, скажу одно: всемогущество было для Мудрых не пустым звуком. Магия стала определять жизнь нашего народа, и именно ее проникновение во все сферы жизни стало началом конца.

Хозяин вновь уселся в свое кресло, провел пальцем по кромке бокала, и шампанское в нем покрылось тонкой корочкой льда.

– Магия стала обыденностью, Мудрые – ремесленниками, а каждое заклинание маленькой дверцей, через которую сочилась чужеродная сила. Все просто – мы лишь черпали энергию другого мира, и она медленно, но верно изменяла нас. С каждым годом теплых дней становилось все меньше и меньше, но это было лишь одним из проявлений Стужи.

– Потом пришла очередь её слуг? – не сдержал я любопытства, когда Хозяин надолго замолчал.

– Да забудь ты этот бред! – в раздражении бросил он. – Когда стало ясно, что дальше так продолжаться не может и скоро наступит вечная зима, мнения Мудрых разделились: одни выступали за жесткий контроль магии и введение квот на энергоемкие чары, другие сочли это нарушением многовекового уклада. В совете Мудрейших победила первая точка зрения, но это было просто мнение большинства – старейшие заклинатели остались верны традициям. Надо ли говорить, что в открытом противостоянии расклад сил оказался несколько иным? У ортодоксов, которые начали приспосабливаться к существованию в условиях вечного холода, имелось одно неоспоримое преимущество: они не были стеснены в выборе средств. Дальше, думаю, рассказывать смысла нет – Первый Хранитель, неудачная попытка связать миры, ритуал, в результате которого появилось Приграничье… Да ты и сам все знаешь.

– Наслышан, – кивнул я, поймав себя на мысли о том, что вся эта история донельзя напоминает борьбу за энергоресур-

сы, а наш мир стал всего лишь отдушиной, нужной только до тех пор, пока его не успели окончательно загадить. – Мне только непонятно…

– При чем тут ты? – закончил за меня Хозяин, и от его улыбки я невольно поежился. Улыбается-то он, улыбается, но глаза как две заполненные жидким азотом бездонные ямы. – Не торопись, сейчас и до этого дойдем. А начнем, разумеется, с того, кто, по-твоему мнению, я. Есть предположения?

– Нет.

– Первый Хранитель отобрал четверых, чья кровь должна была закрепить связь между мирами, и я один из них. Думаю, теперь тебя интересует вопрос, как мне удалось пережить ритуал? Так? Видишь ли, мальчик, для наложения чар оказалось достаточно жизни первого встречного обитателя твоего мира. И это наводит на определенные раздумья…

– Но…

– Почему я не вернулся обратно? – Хозяин вальяжно развалился в кресле и позволил себе снисходительную улыбку. – А смысл? Растрачивать жизнь в никому не нужной междоусобице? Выполнять идиотские приказы? Зачем? Исход противостояния решится здесь, в этом затерянном в межмирье клочке пространства. Если начистоту, без него моя родина давно бы уже превратилась в ледяную пустыню.

– Здесь, может, что-нибудь и решится, вопрос только – кто будет решать, – скептически отнесся я к откровениям со-

беседника. – Сколько времени понадобится Цитадели, чтобы превратить Североречинск в груду заснеженных руин? А двум?

– А сколько для этого понадобится энергии? – ухмыльнулся Хозяин. – Энергии, которую здесь получить просто неоткуда. Нет, надумай сюда явиться слуги Стужи или Хранители, им придется встать на одну доску с местными обитателями. И уж я позаботился о том, чтобы попытка захватить Приграничье не стала для них легкой прогулкой.

– Позаботились? – переспросил я. – Каким образом?

– А кто, по-твоему, натаскивал нынешних корифеев магии? Кто их кормил, пока они не встали на ноги? Или мои люди до сих пор отправляют в Форт продовольствие по бросовым ценам исключительно из-за человеколюбия? Вот еще! Когда-нибудь этот должок придется вернуть.

– Подождите, подождите! – Я остолбенел от услышанных откровений. – Но почему тогда вы до сих пор не захватили власть в Форте?

– Власти у меня предостаточно, да и время тратить на Форт жалко. Как ни крути, первый удар с Севера придется именно туда. А стая загнанных в угол крыс сражается куда отчаянней стада откормленных на убой баранов.

Я только кивнул. Да уж, теперь понятно, отчего в Форте, в отличие от Города и Североречинска, такой беспредел творится. Все просто – кое-кто в этом заинтересован. И у этого кое-кого оказались очень длинные руки. Хозяину не нужен

сильный и процветающий северный сосед, который в любой момент может начать диктовать свои условия. Раздираемый на куски вооруженными бандами Форт для него более удобен и безопасен – от ползущей с Севера нечисти прикрывает и ладно. А чтобы озверевшие жители раньше времени не начали жрать друг друга, как пауки в банке, – всего-то надо организовать бесперебойную поставку харчей. Политика…

– В идеале я бы вообще не допустил открытого противостояния с какой-либо из сил моего мира. – Хозяин потер длинными тонкими пальцами виски и посмотрел мне в глаза. – И закрыть им доступ в Приграничье я надеюсь с твоей помощью. Честно говоря, от тебя потребуется не так уж и много…

– Тоже управляющее заклинание навесите? – прищурился я, крутя меж пальцев тяжелую металлическую вилку. Чую – опять начнется старая песня: поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Ходили уже…

– Ну зачем же так грубо? Человек под воздействием подобных заклятий слишком много сил и времени тратит на то, чтобы от них избавиться. Нет, мне больше нравится старый добрый метод кнута и пряника.

– Может, не надо? – тихонько пробормотал я себе под нос.

– Не бойся, пороть тебя никто не станет, все гораздо проще. Видишь ли, в моих силах лишить тебя способности к переходу через Границу. А уж когда выполнишь одну в общем-то пустяковую просьбу, все сразу вернется на круги

своя.

– Чего вы от меня хотите? – стиснул зубы я, прекрасно осознавая, что ассортимент кнутов на самом деле куда шире заявленного. – И почему именно я? Почему опять я?

– Почему ты? – начал с моего второго вопроса Хозяин и зло хмыкнул. – Сам виноват – сдох бы от стылой лихоманки, никто бы и не вспомнил. А угораздило выжить – не плачь. Сам-то ты и вовек никому не сдался, но мне нужен нож. Да, да – тот самый. Проблема одна: связь твоя с ритуальным клинком сейчас слишком слаба. Если полезу, и вовсе оборвется. Другое дело, что с небольшого расстояния ты в состоянии его почувствовать.

– И где я его искать должен? Мне теперь что – все Приграничье прочесывать? А если его Хранитель заграбастать умудрился?

– Нынешний владелец ножа сейчас в Форте. Не знаю, как, но ему удалось отбиться и от Хранителя, и от Стужи.

– Ну и почему вы его сами там отыскать не можете? – Что-то меня в этой истории смущало, но что именно, понять никак не удавалось.

Хозяин помрачнел.

– У этого существа слишком много личин, и даже мне будет сложно с ним совладать, не говоря уже о простых людях. У тебя шансов куда больше – суть его могущества в ритуальном ноже, а клинок тебя помнит.

– Хорошо, – пропустил я слова собеседника мимо ушей. –

А откуда такая уверенность, что он именно в Форте?

– Потому что в Форте находится последний из пяти клинков. И завладей им…

– А нож из Чертова провала? – перебил Хозяина я. – Почему не отправиться прямиком туда?

– Тот нож уничтожен, – скрипнул зубами мой собеседник. – И я представления не имею, почему Туманный еще не выкинуло обратно в ваш мир.

– Здорово. – У меня даже мурашки по спине побежали. – А нож Города?

– У Хранителя.

– Час от часу не легче, – тяжело вздохнул я, удивляясь, почему Хозяин до сих пор терпит мои расспросы. – А второй-то нож зачем нужен?

– Как сказал один из ваших мудрецов: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». – Мертвые омуты глаз собеседника вызвали непроизвольное желание забиться подальше в угол. – Даже два ножа позволят закрыть Приграничье от любых попыток проникновения извне. Так что все просто – приносишь мне клинок и убираешься обратно в свой мир.

– Не, не прокатит. Мне в Форт никак нельзя, – покачал головой я, промолчав о своих сомнениях в способности Хозяина запереть меня в Приграничье, – убьют меня там. Я чего и сбежал – Леший на мою голову заказ принял.

– Кто не рискует, тот живет долго и счастливо, но сам понимаешь – это не твой случай. По крайней мере, будет непло-

хой стимул найти нож как можно быстрее. Ну а насчет Лешего… не беспокойся. Моя охранка поделится кое-какой информацией с Дружиной, так что на некоторое время ему станет не до тебя.

– У вас-то откуда информация? – не поверил я. – Он же только в Форте работает!

– Наши торговцы наркотиками имели дурную привычку нанимать его для страховки поставляемых в Форт крупных партий товара. Ну а мы в последнее время наркобарончиков несколько проредили. Много интересного узнали, между прочим. – Хозяин посмотрел в сторону окна и растянул узкие бледные губы в жутковатой ухмылке. – Да не бойся ты, мне от твоей смерти выгоды никакой. Пожалуй, даже несколько человек для подстраховки отправлю. От Лешего они, конечно, не уберегут, но если что – помогут.

– У вас хоть описание внешности Лешего есть? – Я оглядел почти нетронутый стол и понял, что ничего не хочу. Даже вода, и та комом в горле встает. На ноге зазудела заживленная «Небесным исцелением» рана, и мне едва удалось сдержаться, чтобы не почесать припухшую и покрасневшую кожу.

– Описание? Нет, так его не найти. – Хозяин еще раз оглянулся на окно и легонько хлопнул ладонью по краю стола. – Все, закрыли тему.

Не успел он договорить, как дверь в комнату распахнулась, и давешние охранники, не особо церемонясь, покидали

на пол мои пожитки. Даже на первый взгляд становилось ясно – если что-то и реквизировали, то обнаружить это удастся, только сверху донизу перетряхнув содержимое рюкзака. А так и одежду с лыжами притащили, и ружье в чехле. Даже пистолет не заныкали, а прямо поверх рюкзака выложили. Чтоб не волновался, значит.

– Ты можешь, конечно, мою просьбу проигнорировать, – выделив слово «просьбу», как бы между прочим заметил Хозяин. – Просто перед принятием решения подумай, что случится, если ножами завладеют пресловутые слуги Стужи. Не говоря уже о том, кого лучше вовсе не поминать вслух. Сколько лет им понадобится, чтобы высосать из твоего мира все тепло? Молчишь? Захочешь ли ты жить в таком будущем?

Я пожал плечами и начал одеваться. Опять эти спасители мира. Как же они меня задолбали! И ведь что характерно – все с приставками «псевдо-» и «квази-». Один мутней другого. Лишь бы жар чужими руками загрести.

– Впрочем, судьба миров должна волновать тебя меньше всего. Вздумаешь начать свою игру – я буду очень разочарован. Все ясно?

– Все, – втянул я голову в плечи. Чего тут непонятного? Вот тебе кнут, вот пряник. Даже скорее не пряник, а морковка, которую перед носом у осла подвесили, чтобы в нужном направлении копытами шевелил.

– По рукам? – Монотонно-невыразительный голос Хозя-

ина ледяной змеей обвил меня и заставил пробежаться по спине целое стадо мурашек.

– По рукам, куда деваться? Подписываться, надеюсь, нигде не надо? – Убедившись, что содержимое рюкзака на месте, я встал с корточек и взвесил в руке «Гюрзу». – Вопрос только один: как до Форта теперь добираться?

– Это не твоя забота. – Даже не взглянув на пистолет в моей руке, Хозяин повернулся к вошедшему в дверь бородачу. – Проводи и проследи, чтоб без приключений.

Решив, что момент сейчас совсем не самый подходящий, я с некоторым сожалением убрал пистолет в карман фуфайки. Жаль такой шанс упускать – слов нет! Прямо руки чешутся вышибить Хозяину мозги. Но – нельзя. Во-первых, не факт, что меткий выстрел избавит от дальнейшего с ним общения. Этот гад жутко живучим должен быть, раз за столько лет ритуальный нож из него душу не вытянул. Ну и, во-вторых: а ну как он и есть то самое пресловутое «наименьшее зло»? Не исключен ведь и такой вариант. Этого типа и Стужа, и бывшие коллеги за милую душу с потрохами сожрут, ему независимость Приграничья как раз на руку.

– Хорошо, Хозяин, – слегка склонил голову в легком поклоне бородач, который даже в жарко натопленном помещении остался в длинном тулупе и валенках. Ладно хоть шапку-ушанку в руках держит, а то бы точно спарился. – Может, и с монополистом вопрос уладить?

– Нет, ты мне здесь нужен. Им музыканты займутся. – До-

ждавшись, пока я навьючу на себя все пожитки, Хозяин отвернулся к окну и провел вдоль его стекла открытой ладонью.

Уж не знаю, как такое могло случиться, но оконный проем моментально раздался в стороны, а вид из него вдруг смазался, словно в один миг удалился на сотни километров. Высокий забор с колючей проволокой куда-то пропал и теперь на улице под порывами ветра заскребли по сугробам тонкими ветками полузаметенные кустарники, и в такт им заколыхались сухие стебли бурьяна. Что самое жуткое, иллюзией это не было: обретший невероятную глубину и четкость прямоугольник портала не оставлял сомнений в своей реальности.

Не отрывая глаз, я со смесью ужаса и восхищения следил, как, повинуясь резким пассам Хозяина, пространство выгнулось, искривилось и, растянувшись, открыло ведущий в неведомые дали проход. Постепенно колыхания сраставшихся граней искореженного волей заклинателя мира замедлились, и теперь только расплывчатый и призрачный силуэт окна напоминал, что еще пару минут назад в комнате было четыре стены.

– Пошел! – подтолкнул меня в спину бородатый и, не вполне осознавая, что делаю, я шагнул в едва заметную пелену, оставшуюся на месте бесследно сгинувшего окна.

Легкое сопротивление, обжегший нестерпимым холодом миг перехода, и мой шаг завершился в высоченном сугробе. Ледяной ветер тут же принялся резкими порывами хлестать

по щекам, да так лихо, что пришлось опустить на лицо вязаную шапочку.

Да уж, прохладненько. Вмиг всего проморозило. И магическое излучение здесь куда интенсивней. Надо бы от него закрыться, пока не поздно. Чувствуя, как разгораются в правом предплечье колючие искры боли, я глубоко вздохнул и одним рывком выдернул себя из окружающих энергетических полей. А потом для надежности еще и закрутил их вокруг себя, на манер подсмотренной у Хозяина защиты. Как ни странно, несмотря на отсутствие практики, колдовать с внешними силами удавалось все легче и легче. А вот нормальное заклинание забацать – ни в какую. Странно это все…

Прибывший вместе со мной бородач времени терять не стал и, молча указав на проходившую в нескольких метрах дорогу, принялся выбираться из сугроба. Поправив рюкзак и закинув на плечо лыжи, я последовал его примеру.

– Мы где вообще? – Вычерпав из валенок снег, я огляделся по сторонам.

Кругом, куда ни глянь, одни поля. Видимость, правда, аховая – пурга так и заметает. И никаких знакомых ориентиров. Вообще никаких ориентиров – пологие барханы сугробов, чахлые заросли придорожного кустарника да несколько высоченных бархатников, длинные тонкие ветви которых клонило к земле резкими порывами ветра.

Поле, кусты, бархатники… Ни одного дерева не торчит из

снега…

Стоп! Очень уж картина сия окрестности Форта мне напоминает. Там давно весь лес на дрова срубили, одни ядовитые бархатники и растут. Только не может такого быть: никому еще не удавалось через Границу портал построить. В пределах областей при соответствующем таланте легко, а от Североречинска к Форту даже Бергман туннель не пробьет. Противоречит это законам Приграничья. Вроде как…

– К юго-востоку от Форта, – оглядываясь по сторонам, просветил меня сопровождающий.

– Да ну, нах! – вслух усомнился я.

– Вот тебе и нах! – усмехнулся бородач. – Сейчас по дороге аккурат к торговому пятачку выйдем.

Промолчать мне стоило немалых усилий. А то брякнул бы чего-нибудь не того, обидел человека. А пистолет в кармане, ружье не расчехлено… Как ни крути, не самый лучший расклад, серьезному человеку заявить, что он гонит. Тем более – может, он и не гонит вовсе. Уж кто-кто, а Хозяин в механике Приграничья больше всех гимназистов, вместе взятых, понимать должен. А ну как есть лазейки?

Решив не маяться дурью с лыжами, я вытащил из чехла «Тайгу» и поспешил вслед за недовольно глянувшим на меня бородачом, который успел уже прилично отмахать в сторону Форта по запорошенной снегом дороге.

И куда он так впилил? Сам-то налегке, а мне еще пожитки на своем горбу волочь приходится. Мало того что тяжело,

так еще и неудобно ни разу. И ведь не выкинешь ничего. Все денег стоит. А немножечко наличности сейчас совсем не помешает: есть одна авантюра на примете. Еще б и людей подходящих отыскать – вообще здорово будет.

– Погоди, – окрикнул я бородатого, когда метрах в трехстах от дороги потянулась сложенная из шлакоблоков высоченная стена, над которой торчало несколько сторожевых вышек с выключенными по дневному времени прожекторами. – Какой, на фиг, юго-восток? Отродясь там ничего похожего не было!

– База пограничников это, в этом году по лету отстроили, – даже не обернулся ко мне навязанный Хозяином сопровождающий и ускорил шаг.

Шаг он, впрочем, ускорил не из-за моих расспросов, а совсем по другой причине – небо окончательно затянули облака, и усилившийся ветер теперь задувал прямо в лицо. Как бы буран не начался. Еще заметет метрах в ста от городской стены, вот смеху-то будет по весне откопавшим подснежника гарнизонным воякам.

Несмотря на эти опасения, добрались мы до торгового пятачка, расположенного у юго-восточного въезда в Форт, вполне себе благополучно. Правда, когда показались городские стены, ветер уже почти сбивал с ног и напрочь выдул из-под одежды тепло, но это ерунда. Главное, что дошли.

Ну здравствуй, что ли, Форт! Давненько не виделись. И век бы еще на тебя мои глаза не смотрели.

Я укрылся от вьюги за одной из торговых палаток, а когда оглянулся по сторонам, бородатого рядом уже не было. Ума не приложу, как он так быстро сквозняк сделать умудрился. Впрочем, нашим легче. Не пропаду.

Несколько раз сжав в кулак непонятно отчего занемевшую правую кисть, я ослабил прикрывающие меня от магического излучения щиты, но тут же их восстановил, оставив лишь тоненькую червоточину бреши. На людях без этого никак – слишком уж подозрительно, когда колдун видит человека вживую, но не ощущает его внутренним взором. Еще прицепятся. Да и тяжело полную блокировку все время держать – вон, несмотря на холод, взмок весь уже.

Поправив закрепленный на поясе чехол с ножом, я повесил ружье на плечо и толкнул дверь ближайшей торговой лавки – все одно никого из здешних торгашей не знаю. А тут и будка не из самых хлипких, и снег перед входом расчищен. Труба над крышей дымит, опять-таки. Не сторгуюсь, так согреюсь. И о блокировке внешних энергий хоть на время позабыть можно будет – на магическую защиту помещения хозяин не поскупился: стены опоясывали целых три ряда ограждающих от колдовства рун. А обновлять их, я вам скажу, еще та морока…

Внутри и вправду оказалось тепло. И пусть раскаленная буржуйка стояла на отгороженной решеткой хозяйской части лавки, идущий от нее жар чувствовался прямо от двери. Расслабившись, я скинул порядком оттянувший плечи рюк-

зак на пол и развязал шапку-ушанку.

– По делу или погреться зашел? – поприветствовал меня любимой присказкой всех торговцев Форта хозяин лавки, который сидел за откидным столиком и мусолил во рту карандаш, размышляя над содержимым толстой амбарной книги.

– А это только от тебя, уважаемый, зависит. – Оглядев тесное помещение, хозяйская часть которого была заставлена разнокалиберными картонными коробками, потянулся я и почувствовал, как благодатное тепло начинает покалывать онемевшие пальцы и щеки. Усмехнувшись – как же мало надо человеку для полного счастья! – прислонил ружье и лыжи к обитой листами фанеры стене и попытался перевести дух. Ух! Даже не думал, что до такой степени окоченел.

Нет, а здесь действительно очень неплохо. Только для посетителей стула, к сожалению, не предусмотрено. Ну да, если и его сюда воткнуть, только один покупатель и поместится. Ничего – в тесноте, да не в обиде. Зато под потолком активированный накопитель Иванова подвешен. Нет, это я исключительно удачно зашел.

– Чего надо-то? – раздраженно отложил карандаш хозяин, поправил туго обтягивающий худющую шею ворот серого свитера и убрал ноги в обшарпанных армейских ботинках с коробки с тушенкой. – Говори, не томи душу.

– Возьмешь? – Я достал из рюкзака запечатанные в целлофановую упаковку солнцезащитные очки и сунул их в

небольшое окошко в решетке.

– А чего не взять? – надорвав упаковку, внимательно осмотрел очки продавец. – Червонец дам.

– Червонец?! – округлил глаза я. – Рубль! Серебром!

– Что?! – повысил в ответ голос продавец. – Да я и за стеклянные столько не дам! А это пластик! Китайский!

– Какой китайский? Фирма! Глаза-то разуй! – возмутившись, я аккуратно прощупывал лавку и хозяина на предмет всяких неприятных магических сюрпризов. Да нет, нормально все. Активированы только защитные заклинания, ну и нить тревожных чар на пост охраны уходит. – И чем тебе, интересно, пластик не угодил? Всяко стеклянных линз практичней!

– Практичней, никто не спорит, – подышал на очки и вытер их об свитер торгаш. – Да только стеклянные ультрафиолет не пропускают!

– Эти, хоть и пластиковые, тоже. Я ж тебе говорю – фирма!

– Да ну?

– Ты бумажку-то не мусоль, прочитай лучше, – посоветовал я и отступил из натекшей с валенок лужи.

– Грязь не развози, – нахмурился продавец, разглядывая испачканный пол. Впрочем, листы фанеры и до меня особой чистотой не отличались. – Умник выискался: прочитай… Ну написано тут, что от ультрафиолета защищают, так мне каждой бумажке теперь верить?

– Я что, сам эту бумажку напечатал, что ли?

– Ну не знаю, не знаю, – отвернулся к зарешеченному окошку лавки задумавшийся продавец. – Да даже если и не пропускают! Все равно по цене пластиковых продавать придется! Про ультрафиолет и не вспомнит никто, а реальным пацанам стеклянные подавай! Им пластиковые не круто.

– Круто – не круто? Какая разница, ты ж их не меньше чем за полтора рубля впаришь и даже не вспотеешь! – чувствуя заинтересованность скупщика, продолжил распинаться я. – Ну скину червонец, чего жмешься?

– Ты мои деньги не считай! Да и не даст никто полтора рубля за это барахло, – осадил меня продавец и задумчиво потер острый подбородок. – С одной пары навар невелик. Больше чем за империал не возьму.

– Партию в тридцать пар по два червонца примешь? – решил больше не темнить я.

– Откуда у тебя столько?! – разинул от удивления рот продавец. – Где взял?

– Где взял, там нет больше, – усмехнулся я. – Берешь, нет?

– Возьму, – кивнул торгаш, в голове которого уже закрутились сложные расчеты будущих барышей. – Половину сразу отдам, половину завтра.

– Все сразу и никаких гвоздей.

– У меня столько нету, – неожиданно насторожился скупщик, взглянув на прислоненное к стене ружье. – Аванс сегодня, полностью завтра с тобой рассчитаюсь.

– Не, так дело не пойдет, – покачал головой я. – Догово-

римся так: вечером прихожу с товаром и получаю деньги. Все сразу.

– Да где я пятнадцать рублей серебром меньше чем за половину дня найду? – всплеснул руками торгаш.

– Твои проблемы, – хмыкнул я. – Займи. Или в долю возьми кого.

– Самый умный? – буркнул продавец и потер простенькое серебряное колечко, охватывавшее мизинец. – Товар покажи.

– С собой только образцы. – Я начал застегивать рюкзак и чертыхнулся, когда из него на пол выпала солевая грелка.

– Ну-ка, ну-ка, а это что еще такое? – заинтересовался скупщик.

– Солевая грелка «дельтатерм», – нехотя объяснил я.

– И чего она могет?

– Греет она. Как остынет, можно в кипяток булькнуть, и она опять к употреблению готова.

– Надолго хватает?

– Там все написано.

– А активировать ее как? – заинтересовался ознакомившийся с описанием характеристик грелки торговец.

– Палочку катализатора согнуть надо.

– Сколько хочешь?

– Империал и давай без торговли, лады? Ни копейки не скину. Товар – огонь. – Не надо бы, конечно, в одном месте все сбывать, но раз уж засветился, чего теперь? Поздно бор-

жоми пить.

– Сколько есть?

– Сто.

– Сколько?! – переспросил ошалевший от услышанного торговец.

– Сто.

– Ты меня разоришь! – старательно скрывая так и расползавшуюся по лицу довольную улыбку обожравшегося сметаны кота простонал скупщик. – Всю партию за сорок рублей серебром!

– Опух, что ли? – с неприкрытой скукой в голосе поинтересовался я. – Я сейчас тебе и очки продавать передумаю. Меня в Форт сходить не ломает. Время просто терять жалко.

– Ладно, ладно! – заюлил торгаш. – Ты тоже скидку на срочность делай, да? Мне, чтоб с тобой сразу рассчитаться, взаймы деньги брать, а процент у ростовщиков о-го-го какой! Давай пятьдесят рублей за все, а?

– Черт с тобой, по рукам, – плюнул я на выторгованные скупщиком два с половиной рубля серебром. Все одно такую кучу денег выручить не рассчитывал. – Но только чтоб деньги сегодня! Завтра таких цен уже не будет.

– Приходи часам ближе к пяти, – обрадовался моей сговорчивости торговец. – Я торговлю к этому времени уже сворачиваю, никто не помешает.

– Рубль с тебя, – напомнил я про оставшиеся у него очки и солевую грелку.

– Держи. – Продавец отпер железный ящик и, выудив оттуда четыре червонца, протянул мне. – И не опаздывай. Я с серьезными людьми о деньгах договариваться буду, так что без прогонов.

– Базара нет, – кивнул я, подхватил ружье с лыжами и вышел на улицу.

Ну и куда теперь загаситься время переждать? Завалиться в харчевню какую-нибудь? Благо в них недостатка на торговом пятачке нет. Не хочу. До сих пор уха к горлу подкатывается, как Хозяина вспомню. Нагнал жути, зараза! Чтоб ему пусто было.

Какие еще варианты есть? По улице шастать? Окоченею. Да и ветер все сильней.

Отвернувшись от задувавшей прямо в лицо пурги, я несколько раз подпрыгнул на месте и пошел к воротам Форта. Глядишь, какое заведение на пути попадется, лучше уж там время скоротать.

Надо только еще подумать, как Гамлету или Дениске Селину весточку передать, чтоб они сюда под вечер выбрались. А то людишек до чужого добра охочих полным-полно. Как бы меня обжулить не попытались – деньги на кону стоят немалые. Ладно, сейчас упаду куда-нибудь и обмозгую эту тему.

Углядев надпись «Видеосалон» на борту строительного вагончика, к которому от городской стены тянулся электрический провод, я без колебания распахнул перекосившую-

ся дверь и шагнул внутрь. В полумраке вагончика рядами стояли лавки, на подставке у дальней стены работал широкоэкранный телевизор. Зрителей было всего человек шесть-семь, так что я плюхнулся на свободную лавку и поскидывал свое хозяйство прямо на пол.

– Сеанс два рубля, – наклонился ко мне подошедший парнишка-билетер. – На три сеанса – пять.

– Давай на три. – Я сунул ему червонец и, дождавшись сдачи, облокотился спиной о стенку вагончика. – Чего кажут-то?

– «Кровавый четверг».

– Да хоть пятница, – тихонько буркнул я в ответ, забрал сдачу и принялся разминать ноющее запястье правой руки. Помогло это мало, наоборот, неприятные ощущения поползли выше и вскоре охватили все предплечье.

Черт! Неужели слишком большую щель в защитных заклинаниях оставил и излишек излучения хапнул? Нет, не может такого быть. Скорее, меня еще в портале закоротило. Сунув правую руку в карман фуфайки, я побренчал монетами и начал медленно их перебирать.

Десятирублевка с Гагариным. Десять копеек. Липкая двухрублевка. Рубль с вмятиной. Новенькая пятирублевка. Чуть погнутые десять копеек. Пошарканная двухрублевая монета. Посеченные сбоку пять рублей. Травленный кислотой полтинник. Чуть-чуть замятый рубль. Два рубля со стершимся гуртом. Пятьдесят копеек. Поцарапанный рубль…

Каждая монетка вбирала в себя чуть-чуть горевшей во мне энергии. Чуть-чуть – кропаль, но, как известно, вода камень точит.

«Еще десять тысяч ведер – и золотой ключик наш»…

Постепенно жжение в руке стихло, и впервые за время возвращения в Приграничье почти прошла давившая виски головная боль. Странно: пока она была – просто не обращал внимания, а как пропала – моментально почувствовал.

Расслабившись, я начал следить за происходящим на экране телевизора и вскоре сумел вникнуть в хитросплетения сюжета. Ну не то чтобы хитросплетения, но пойди разберись, когда фильм с середины смотришь, да еще и голова совершенно другими вещами занята.

Подув на пальцы, кожа которых оказалась слегка припухшей, я почесал заросший колючей щетиной подбородок и едва успел перехватить направившегося на выход высокого парня в белом полушубке с зелеными петлицами.

– Погранец? – припомнив желание Шурика Ермолова уйти из Патруля, поинтересовался я.

– Ну – остановился парень.

– Шурика Ермолова знаешь?

– Из разведки который?

– Ага, – наугад кивнул я. – Здоровый такой.

– Ну знаю. И че?

– Где служит сейчас, не подскажешь?

– Базу нашу новую видел? – поправил ремень пограничь-

ник и направился дальше по проходу. – Там пока.

– Это у дороги на Рудный, что ли? – бросил я вслед.

– Именно.

Обрадовавшись, я закинул за плечи рюкзак, подхватил лыжи и чехол с ружьем и выскочил из вагончика вслед за парнем. Если получится выцепить Ермолова – это вообще идеальный вариант. Уж кто-кто, а он никогда немного денежек по-быстрому срубить не откажется. Главное, чтобы у него на службу забить возможность была. В Патруле это решалось просто, а вот как у пограничников к халтуре относятся, кто его знает?

На всякий случай обойдя стороной лавку торговца, с которым договорился о встрече, я вышел к дороге на Рудный и, прикрывая лицо от сильного бокового ветра, поспешил к базе пограничников. Хорошо хоть они не стали оригинальничать и неподалеку от Форта обустроились, а не где-нибудь у черта на куличках. Тут идти минут пятнадцать от силы. Ну еще пять минут на погодные условия добавить можно. Значит, двадцать минут, и я там. Даже если Шурика на месте не окажется, до темноты все еще переиграть успею – солнце только-только к закату клониться начало.

Место для базы, надо сказать, было выбрано весьма удачно: на облюбованном пограничниками пригорке интенсивность магического излучения заметно снижалась, так, будто пронизывавшие все Приграничье энергетические пото-

ки охватывали невысокий холмик с боков, но не могли на него взобраться. Впрочем, исключительно на месторасположение строители полагаться не стали – проглядывавшие среди прямоугольников шлакоблоков бетонные плиты являлись составными частями уходящей в стену системы стабилизации энергетического поля. Вот так дела! Если не ошибаюсь, такие чародейско-архитектурные изыски использовали всего два раза: при закладке стен Форта и при обустройстве Пентагона – резиденции Братства.

Разыгравшаяся вьюга скрадывала детали, но, прикрыв ладонью глаза от слепившего ветра, я различил высоченную трубу котельной и ветряк. И никакой снег не был способен скрыть от колдовского зрения спящие до поры до времени защитные чары. Да уж, серьезно товарищи к обеспечению собственной безопасности подошли, ничего не скажешь. Пожалуй, они и без поддержки Форта любую осаду выдержать смогут.

Добравшись до запертых ворот, я внимательно осмотрел шедшую вокруг стен полосу утоптанного снега, метров двадцать шириной. Не иначе солдат по нескольку раз в день на физзарядку гоняют. Утоптали так, что любо-дорого.

– Чего надо? – недовольно прохрипел закрепленный у двери динамик, стоило мне протянуть руку к кнопке вызова. У них что, еще и система видеонаблюдения смонтирована? Богато живут ребята. Даже представить страшно, сколько сюда денег вбухать надо было, чтобы всего за несколько

месяцев такой комплекс выстроить.

– Ермолов здесь службу несет? – Я скинул рюкзак на утоптанный снег. – Пусть выйдет.

– Как доложить? – неожиданно вежливо поинтересовался мой невидимый собеседник.

– Сослуживец по Патрулю, скажите, бывший. Вместе на Север мотались. Он в курсе, – на всякий случай не стал представляться я, размышляя над непонятной реакцией караульного. Неужели Шурик большой шишкой стать успел?

– Ждите, – отключил динамик караульный.

Шурик приперся, когда я уже успел порядком задубеть и с целью хоть немного согреться устроил шаманские пляски на потеху караульным, наверняка наблюдавшим за моими потугами разогнать кровь по жилам.

Первое слово, которое он сказал, когда я закатал на лоб закрывавшую лицо шапочку, было нецензурным. Второе тоже. И лишь после этого он с криком: «Скользкий, чертяка!» сграбастал меня своими лапищами и до хруста в ребрах – моих, понятное дело, – сжал.

– Да не ори ты! – высвобождаясь из дружественных объятий, просипел я, но Ермолов расхохотался.

– Лед, братуха! Где пропадал?

– Не ори, говорю, – еще раз попросил я и, потянув за рукав форменного полушубка, на зеленых петлицах которого оказалось три квадрата, потащил от ворот базы. – Давай отой-

дем.

– Ты чего шифруешься? – выдернув рукав, все же отошел от ворот Ермолов.

– Надо, и шифруюсь, – огрызнулся я и посмотрел на довольно скалившегося Шурика. – Скажи лучше, когда старлея заполучить успел?

– Да почти сразу и дали. Я теперь, между прочим, замкомразведроты, – пожал плечами снисходительно посмотревший на меня с высоты своего роста Ермолов и натянул вытащенные из-за пояса меховушки.

– Ну ты крут.

– А то! – заулыбался здоровяк. – Чего, блин, сразу караульным не назвался – посидели бы в тепле.

– В следующий раз, – отмахнулся я. – Ты на ближайшее время как, сильно занят?

– Ближайшее время – это сколько? – прищурился Шурик.

– Есть два варианта: первый – это вечер, второй – пара недель следующих.

– Давай излагай, куда опять вляпался, – сразу же расколол меня Ермолов. – Да! Пока ты мне мозги еще не прокомпостировал, колись, где пропадал.

– Да где только не пропадал! – махнул я рукой и повернулся спиной к ветру. – И никуда не вляпался особо…

– А шифруешься чего? – перебил меня Ермолов.

– С Патрулем еще кое-какие проблемы надо порешать, – выдал кусочек правды я. – А сейчас меня просто подстрахо-

вать с одним торгашом надо, выручишь?

– Это на этот вечер? – задумался Шурик, пританцовывая на морозе.

– Ага. Если еще и пару ребят с оружием прихватишь, вообще здорово будет, – поежился я под порывами пронзительного ветра. – В долгу не останусь.

– Мочить кого придется?

– Нет, надеюсь. Просто у лавки постоять, чтобы небольшая торговая операция не сорвалась. А то как бы не кинули.

– Погода собачья на улице, – задумался поднявший воротник полушубка Ермолов. Блин, ну и харю он на казенных харчах отъел! Раньше тоже, правда, худеньким не был, а сейчас вообще кабаном стал: два метра росту и за сотню килограмм живого веса – это вам не хухры-мухры. – Мне-то по фигу, а парням заплатить придется.

– Три червонца на всех хватит? – предложил я.

– Более чем, более чем. За такие деньги нас туда и обратно скатают, – хмыкнул Ермолов. – А ты, я смотрю, богатенький Буратино. Чего там насчет нескольких следующих дней толковал?

– Сможешь недели на две загаситься? – обрадовался я ясно прозвучавшей в словах Шурика заинтересованности.

– Все решаемо, братуха, – хлопнул меня по плечу ухмыльнувшийся Ермолов. – Только в наличность упирается, а так – проблем нет. Чего задумал-то?

– Надо будет на север сгонять, к Лысой горе, – снова вы-

дал я только кусочек правды. – Десять рублей серебром плюс накладные расходы.

Идея эта созрела уже давно. Все просто – если хочу играть на равных с Домиником и его кодлой, позарез нужен какой-нибудь козырь. И якобы уничтоженные бумаги Жана для этого подойдут как нельзя лучше. Да и самому с ними ознакомиться не лишним будет. А если Шурика на это дело подбить получится – просто здорово! Мы с ним раньше как раз примерно в те края выбирались.

– Ты банк ограбил, что ли? – в изумлении вытаращил глаза мой старый приятель. – Или вагон серебра с той стороны пригнал?

– Я ж тебе говорю – небольшая торговая операция намечается, – усмехнулся я. – Ты в деле?

– Спрашиваешь!

– Тогда давай в темпе, нам ближе к пяти на торговом пятачке быть нужно.

– Не ссы, прорвемся! – легкомысленно отмахнулся парень и потер покрасневшие на морозе гладко выбритые щеки. – Пойдем, погреемся, я пока людей надежных подберу. Только, чур, как договорились – никакого криминала, максимум – самооборона.

– Лады, – с чистой совестью согласился я. Конечно самооборона, как иначе? Мне первому за ствол хвататься не с руки – без защитного амулета шальную пулю схлопотать проще простого. – Ты иди, я тебя здесь подожду.

– Чего так? Околеешь ведь.

– Иди, говорю, – подтолкнул я Шурика к воротам базы. – У вас же патрульных бывших до хрена должно быть, узнает кто, проблем не оберешься. Лучше мне пару таблеток экомага притарань.

– Ладно, я мигом! – вприпрыжку помчался к воротам Шурик.

– Да не торопись ты! – крикнул ему в спину я. – Не замерзну.

И в самом деле – особого мороза я не ощущал. То ли привык, то ли проведенные в сугробе полгода о себе знать дают. Хорошо бы, а то постоянный озноб задолбал уже. Как в Приграничье вновь угодил, еще и не согрелся толком ни разу.

Шурика не было, наверное, с час – слишком уж к тому времени, когда он наконец вновь появился, стемнеть успело. Надо бы закругляться, а то так к пяти часам обернуться не успеем. А нам лучше загодя позиции занять. Во избежание всяческих неприятных сюрпризов…

– Ты не взмерз еще? – с довольным видом выглянул из двери Ермолов и придержал соскочивший с плеча ремень АКМ.

– В процессе, – отозвался я, перепрыгивая с одной ноги на другую. Помогало это мало – пальцы утратили чувствительность довольно давно. Хорошо хоть вьюга стихла. – Скоро вы там?

– Да тут такое дело – у водилы с горючкой напряг. Накинешь пятерик сверху? – Ермолов несколькими взмахами зажатых в руке меховушек сбил нападавший на меня снег.

– Накину. Только короче давайте, а? Пока еще не все себе отморозил! – взмолился я.

– Лед, ты ж морозоустойчивый! – несмешно пошутил Шурик и, приоткрыв дверь караулки, крикнул кому-то: – Ключ на старт!

Створки ворот, разгребая нападавший снег, начали медленно расходиться в стороны и, рявкнув мотором, ко мне подъехал странный автомобиль – уродливая смесь маршрутки и пикапа. Насколько удалось разобрать в темноте, у обыкновенной пассажирской «газели» непонятно зачем срезали часть крыши и бортов и установили на освободившееся место треногу с крупнокалиберным пулеметом. ДШК, если не ошибаюсь.

– Подвезти? – со смешком поинтересовался распахнувший дверь горбоносый водитель.

– А то! – порывшись по карманам, я сунул ему червонец и полученную в видеосалоне сдачу, еще по десятке вручил двум вышедшим вслед за Ермоловым парням.

– Залазьте быстрее, неровен час, начальник гаража вернется, – поторопил нас водитель и газанул. Ну и вонища! Какой дрянью они заправляются?

– Ты с ним не договорился, что ли? – удивился Шурик. – Смотри, погоришь.

– Да ну, делиться еще, – легкомысленно отмахнулся от предостережения пограничник. – На крайняк – Польский прикроет. Скажет – на выезде.

– Можно подумать, с Польским делиться не придется, – ухмыльнулся один из парней, забравшийся в машину по приваренной к борту лесенке, и упер в сиденье приклад АК-74.

– Польский возьмет меньше, – объяснил водитель. – Ехать куда?

– До торгового пятачка, там покажу, – пригнулся я, прикрывая голову от летевшего прямо в лицо снега.

До торговых палаток домчались махом. Даже испугаться толком не успел, хоть и было от чего: водитель гнал машину по запорошенной снегом дороге на какой-то запредельной для таких условий скорости. Как вообще в повороты вписывались – ума не приложу. Осведомленные о таком стиле вождения пограничники сразу же вцепились в поручни и всю дорогу посмеивались над моим немного ошалелым выражением лица. А я даже вязаную шапочку опустить не мог: боялся, что, если хоть на миг перестану держаться, тут же из машины вылечу.

– Вон на тот ряд заезжай, – нагнувшись к приоткрытому окошку кабины, скомандовал я водителю, когда мы подъехали к торговому пятачку. – Ага, проезжай немного и тормози.

Выскочив из машины в снег, я перехватил брошенный мне Шуриком рюкзак и направился к палатке, в окне которой еще горел свет. Замечательно – значит, не опоздали.

Парень с АК-74 тоже оставаться в газели не стал и поспешил укрыться за углом соседней лавки, пограничник с АКСУ метнулся через проезд и обежал сарайчик с другой стороны. Вот это я понимаю – профессионалы. Им-то всего и надо было, что с грозным видом в машине посидеть, нет же – стараются. Оно и понятно: всяко смекалку начнешь проявлять, если не хочешь по собственной безалаберности кусок свинца в голову заполучить.

Распахнув дверь лавки, я шагнул внутрь и, как только глаза привыкли к яркому освещению, усмехнулся: вместо одного скупщика меня дожидалось сразу четыре человека. По такому случаю даже решетки убрали. Единственное пока непонятно: три здоровенных лба – это охрана или бандиты.

– Чего-то многовато вас, – усмехнулся я, опуская рюкзак на пол. Если что, торгаша в расчет можно не брать, а вот с остальными ухо востро держать надо – у одного в чехле на поясе жезл «Свинцовых ос», у второго «Дырокол» с запястья на ремешке свисает. Третий – седой здоровяк не первой молодости с жестким лицом бывалого головореза – и вовсе направил в потолок непонятную конструкцию – нечто напоминающее старинный пистолет с приделанным рожком от автомата Калашникова.

– Цена вопроса немалая, мало ли чего, – облизнул губы торговец. – Это мои компаньоны.

– У нас синдицированная сделка, – подтвердил не спускавший с меня глаз седой.

– Ну знаете ли, это явно говорит о недоверии, – припомнил я кстати пришедшуюся фразу из недавно просмотренного фильма и на всякий случай опустил руку к карману фуфайки, который отвешивался под тяжестью «Гюрзы».

– Думаю, в свете последних событий нам придется с этим согласиться, – с грустью посмотрел в окно на повернутый в сторону лавки ствол ДШК седой.

– А? – не понял его теребивший рукав свитера торговец.

– Я говорю, пересмотр условий ранее достигнутых договоренностей может привести к неприемлемым для обеих сторон последствиям, – выразительно посмотрел на него и положил на откидной столик свой странный ствол явно игравший в этой партии роль первой скрипки пожилой головорез. Впрочем, убрать-то волыну он убрал, но тут же засунул большие пальцы за широкий кожаный ремень, с которого свисали ножны с длинным тесаком.

Мигом осунувшийся хозяин перевел испуганный взгляд на меня. Я усмехнулся и расстегнул рюкзак:

– Это точно. Деньги достали?

– А где товар? – быстро оглянувшись на седого, спросил торговец.

– Усе здесь. – Я начал вытаскивать из рюкзака солнцезащитные очки и передавать их парню с «Дыроколом». – Раз, два, три…

– Итого двадцать девять, – подтвердил достоверность моих подсчетов проверивший очки скупщик.

– Считаем дальше. – Теперь пришла очередь солевых грелок.

И вот тут случилась небольшая заминка – в одной из них засела автоматная пуля. Не иначе от стены срикошетила, когда Брыльский нам кровавую баню устроил.

– Брак, – вынес свой вердикт седой.

– Хрен с ним, – махнул рукой я. – Зачтем в счет скидки.

– Какой скидки? – всполошился торговец.

– А за срочность которая, – объяснил я. – Будем считать, что срочность несколько спала. Лады?

– Непринципиально, – пробурчал седой и подтолкнул в бок скупщика. – Рассчитайся.

Тот отпер привинченный к полу сейф и вытащил из него весьма объемный мешок. Тут уж пришла моя очередь пересчитывать монеты, переводить золотые червонцы и серебряные «соболи» в царские рубли и подсчитывать в уме, на сколько меня пытаются нагреть. Получалось, как недавно заявил седой: «непринципиально». То на то и выходит.

– Счастливо! – сунув холщовый мешочек с монетами в рюкзак, я застегнул молнию замка и толкнул дверь. – Приятно было вести с вами дела.

– Аналогично, – кивнул седой.

Я на прощанье махнул рукой, тихонько прикрыл за собой дверь и, не спуская взгляда с окна лавки, начал медленно пятиться к газели.

– Как, удачно? – принял у меня из рук рюкзак Шурик.

– Ага, поехали отсюда, пока все так считают. – Я забрался в машину, и дождавшийся подбежавших пограничников водитель с места рванул вперед.

Черт, чуть не вывалился!

Отъехав от лавки на приличное расстояние, водила остановил «газель» и я с немалым облегчением спрыгнул на дорогу. Удивленные нашим появлением запоздалые покупатели, несмотря на темноту еще бродившие меж торговых рядов, благоразумно поспешили убраться восвояси, так что, когда ко мне присоединился Шурик Ермолов, поблизости уже никого не наблюдалось. Вот так посмотришь по сторонам – идиллия: хлипкие строения магазинчиков и продуктовых киосков заносил размеренно падавший с неба снег, светились тусклые шары фонарей, а бившие со сторожевых башен Форта лучи прожекторов едва-едва разгоняли плотный полог крутившейся меж домов вьюги.

И кругом снег: снег падает с неба, снег лежит на земле, снег скоро укроет этот мир и навсегда погребет его под собой…

– Меня не ждите, я сам доберусь, – отпустил «газель» подошедший ко мне Ермолов. – Ну а теперь рассказывай.

– Да чего там рассказывать-то? – тяжело вздохнул я. – Мне на Север край надо смотаться. Ты как – не передумал еще?

– Когда?

– Чем раньше, тем лучше. – Я передернул плечами, сбрасывая нападавший снег. – Только учти, припасы с тебя.

– Набор обычный? – уточнил Шурик.

– Пожалуй… – задумался я. – Сможешь телепорт, на окрестности Форта настроенный, раздобыть? А то мало ли чего.

– Ты знаешь, сколько он стоит? – Ермолов явно едва удержался, чтобы не покрутить пальцем у виска.

– Сколько?

– Рублей двадцать серебром!

– Бери, своя шкура дороже. Еще аптечку походную раздобудь. Да! Ты про экомаг не забыл?

– Держи, – протянул две серых горошины Шурик и от удивления вытаращил глаза, когда я начал их методично разжевывать.

– Чего вылупился? Не видишь, хреново мне? – Сглотнув пронзительно горькую слюну, мне едва удалось удержать в себе подкативший к горлу комок.

– Ну ты силен! – только и развел руками Шутник. – Я эту гадость даже с запивоном еле переношу.

– Уж поверь – это не самое гадкое, что мне доводилось пробовать. – Я кинул лыжи и рюкзак в довольно хрустнувший снег. – Ладно, давай ближе к делу: предложения есть?

– Ты мне вот что скажи, – Ермолов вышел из круга света, падавшего от закрепленного на стене одного из вагончиков фонаря, – башляет кто?

– Я. Так что будешь затариваться – совесть поимей. У меня тоже финансовые возможности небезграничны.

– Блин, ничего уже в этой жизни не понимаю, – выдохнул облако пара Шурик. – Ладно, слушай сюда: сегодня в ночь в рейс на Лудино уходит грузовик. Если успеваем на него, заночуем в Ледяной избушке, а с утреца через Границу двинем.

– А смысл машину ночью гнать? – удивился я.

– Там сводный отряд будет: наши с патрульными. Воевода распорядился, – не очень понятно объяснил Ермолов. – Дорогу проверить, парней на кордоне у Лудина сменить.

– Не выбили горожан еще, что ли?

– Не, они там крепко окопались.

– Ночью-то зачем? До утра не терпит?

– А какой понт днем дорогу объезжать? Ясен пень, все спокойно будет. А тут внезапная проверка, все дела.

Подумав, я пришел к выводу, что предложение Шурика избавляет нас от многих совершенно излишних хлопот.

– Припасами затариться успеешь?

– Чего там тариться? – фыркнул Ермолов. – Было бы делов. На складе у кладовщика все и выцыганю. У нас же опт – еще и скидку неплохую поимею. Оружие тебе брать? С этим сложнее, но тоже решаемо.

– Да пока обойдусь вроде, – отказался я. – Ты вот что: защитный амулет раздобудь. И возьми какой получше, цена значения не имеет.

– Ну не знаю, даже не знаю, – засомневался Шурик. – Нет, что-нибудь обязательно притащу, но с чародейским барах-

лом у нас сложнее. Не факт, что лучше, чем здесь купить можно, раздобуду.

– Тащи что есть – все равно по лавкам бегать уже поздно, – оглянулся я на опустевшие ряды. Как-то мне без амулета, пули отводящего, тоскливо на север отправляться. Пуля, как известно, дура…

– Аванс гони, – дернул меня за рукав Шурик. – Деньги на бочку.

– Сколько?

– Двадцатку на телепорт минимум, рублей десять на мелочовку, плюс моя десятка. Хотя со мной можешь и по факту рассчитаться, не горит…

– Держи. – Я начал отсчитывать монеты. Еще полчаса назад казавшаяся гигантской сумма таяла просто на глазах. – А на припасы десять рублей серебром не многовато будет?

– С нормальным амулетом – в самый раз. – Ермолов рассовал монеты по карманам, впав в легкий ступор от столь наглядного подтверждения моей состоятельности. – Ты где столько бабла надыбал, Скользкий?

– Да какая тебе, Шурик, разница? Надыбал и надыбал.

– Ладно, хрен с тобой, толстосум, побежал я, – закрутил головой по сторонам Ермолов. – Ты меня где ждать будешь?

– Видеосалон в строительном вагончике знаешь?

– Ну?

– Там буду, – просунув руки в ремни рюкзака, я подхватил лыжи и отправился греться в приглянувшееся мне заве-

дение. И пусть там перекусить не получится, зато хоть до ночи сиди – ни одна собака не почешется узнать, кто ты такой и почему домой не идешь. И что немаловажно – работают они допоздна. По-любому сейчас еще не закрылись.

Так оно и оказалось. Небрежно кивнув не успевшему смениться билетеру, я завалился в вагончик и прошел на свое старое место.

– Последний сеанс, – предупредил узнавший меня парень.

– Понятно. – Я поставил ноги на брошенный на пол рюкзак и, прислонившись спиной к стене, моментально задремал, а проснулся уже из-за наступившей тишины – как оказалось, фильм закончился и телевизор выключили.

Широко зевнув, собрал пожитки и вышел на улицу. Свежо. Надеюсь, Шурик не заставит себя долго ждать – в видеосалоне тоже было не так чтобы очень натоплено. Не отогрелся ни фига. Еще не хватало с простудой слечь…

Шум мощного автомобильного двигателя я услышал еще до того, как старенький армейский «Урал» свернул с дороги и съехал на обочину к торговому пятачку. Выключивший фары водитель глушить мотор не стал, значит, это та самая машина, про которую толковал Шурик. Ага, вон и он сам выглядывает из-под разрисованного колдовскими письменами тента.

– Залазь! – протянул мне руку Ермолов и без малейшей натуги втянул к себе.

– Всем привет! – поздоровался я с парнями, сидевшими

в кузове на тянувшихся вдоль бортов лавках, но далеко проходить не стал.

Народ на мое приветствие среагировал вяло: кто-то в ответ махнул рукой, кто-то что-то невнятно пробурчал себе под нос. Не до меня людям, короче говоря. Не до меня… Оно и к лучшему, на самом деле.

– Долго ехать? – усевшись рядом с Шуриком, спросил я и оглядел готовых к длительному путешествию пограничников.

Всего народу оказалось человек двадцать, причем если дюжина парней в форменных полушубках – пограничники, то оставшиеся одеты навроде меня: не важно, что вразнобой, лишь бы потеплее. Сразу видно – из Патруля. Там практичность всегда на первом месте стояла. Да и оружие у них куда более многофункциональное. Большинство патрульных разномастные охотничьи ружья под рукой держат, а погранцы в основе своей на автоматах Калашникова выбор остановили. Да и холодного оружия – всяких топориков, сабель и мачете – у них гораздо меньше. Что ж, каждому – свое.

– К утру будем. А то и раньше. – Шурик протянул спичечный коробок, в котором, судя по звуку, перекатывалась одинокая горошина. – Это телепорт, убери куда-нибудь.

– Ага, давай, – забрал коробок я. – С амулетом что?

– Держи. – Порывшись в кармане, Ермолов вложил мне в ладонь хрустальный орех «Щита веры». – Приличней ничего не было.

– Да ладно, чего там, – расстегнув фуфайку, я вытащил из-под ворота свитера цепочку и повесил амулет рядом с крестиком. Не самый плохой вариант – по крайней мере, укрытие найти всегда успею. Если, само собой, не приложат из чего-нибудь серьезного. – Все достать успел?

– Ну так! – похлопал по туго набитому рюкзаку Ермолов. – Только давай потом разберем – неохота сейчас возиться. Да и палиться лишний раз…

– Потом так потом, – согласился я и уточнил, глядя на висевшую на поясе Шурика кобуру с пистолетом Макарова: – У тебя как с серебряными пулями? В наличии имеются?

– Четыре патрона. Дефицит, блин. А тут слухи еще ходят: серебро вроде как подорожает. Тогда вообще засада! – Машину тряхнуло и, ухватившись за лавку, Ермолов кинул мне открытый патронташ с вставленными в ячейки патронами двенадцатого калибра. – Держи.

– Это еще что такое?

– Малый универсальный боезапас, – усмехнулся Шурик. – Первые четыре патрона – «восьмерки» с посеребренной дробью, следующие четыре зажигательные. На всякий случай.

– Ага, случай бывает всякий. Только эти посеребренные «восьмерки» как мертвому припарки. Надо будет рубль серебряный покромсать. – Я положил патронташ на скамью и до упора затянул ремень, застегивающий брезентовое окошко амбразуры. А то чуть сквозняком не сдуло. – Как дела вообще?

– В смысле? – Шурик принял от соседа слева пятилитровую пластиковую канистру и, сделав длинный глоток, протянул мне. – Хлебни бодреня. Не пробовал, поди, еще.

– Ну чего в Форте нового? – отпив отдававшего яблочной кислинкой напитка, я вытер рот рукавом фуфайки и вернул пятилитровку обратно. – Неплохо. Вроде даже башка болеть перестала.

– Мировая вещь! – согласился со мной Шурик. – И сна ни в одном глазу.

– Раньше предупредить не мог? Вообще-то думал в дороге выспаться. – Я достал плитку шоколада. – Будешь?

– А давай, – не стал отказываться Ермолов. – А в Форте ничего нового. Патруль и Гарнизон теперь под Дружиной, из нашего отряда почти все разбежались. Крест сейчас вообще командир роты дальней разведки.

– Ты говорил, – кивнул я.

– Да? Не помню, – пожал плечами Шурик. – Хобот к нему ушел, Кот на вольные хлеба подался. Ян Ревень и Стас Тополев, как и я, в пограничники записались. Хирург окончательно в клинике осел, но наших не забывает: недавно Друид к снежным червям провалился, так если бы не Хирург, ногу по колено отнимать бы пришлось. Что еще? Башарова в рейде подстрелили. Лымарь в первую роту перешел, да на Северной промзоне и сгинул. Димку Прокопьева волколаки задрали. Так вот и живем.

– Ясненько. Братство еще в Туманный не переехало?

– Куда там! С Климом последний раз разговаривал – вроде на следующее лето планируют.

– Мозговерты так и продают на каждом углу?

– Не, Дружина какую-то хитрую машинку придумала – наркоту эту за два километра, говорят, чует. Еще тем летом всех торговцев повывели.

– Здорово! – обрадовался я и с удивлением увидел, как один из пограничников достал гитару. Не, они точно не один бодрень употребляли. Эк их вставило!

Я стою у окна, жаль не с той стороны,
Тут у нас холода, там уют и забота,
Я стою у окна и все кажется мне, будто бы никогда,
Будто бы никогда не найти ключ от дома…

– Слышь че, – толкнул меня в бок оживившийся Ермолов. – Дениска Селин скоро папой станет.

– Да ну, на фиг! – не поверил я.

– Вот тебе и на фиг!

– Остепенился, поди?

– Какой! – заржал Шурик. – Горбатого только могила исправит.

– Это точно, – согласился с ним я, пытаясь поудобней устроиться на жесткой лавке. Блин, и чего так мотает-то? Все, что можно, уже отбил, а мы еще и трети пути не проехали.

– До трассы Город – Лудино доедем, дорога лучше ста-

нет, – заметив мои мучения, усмехнулся Ермолов.

– Это радует. – Дожевав свои полплитки шоколада, я вытянул ноги и, машинально перебирая бренчавшие в правом кармане монеты, попытался уснуть.

Вот именно что попытался – так сразу хрен уснешь.

Мотор урчит, пацаны над анекдотами ржут, еще и певец во всю силу легких надрывается. Ладно бы он петь умел, так ему по ушам целое стадо медведей в детстве пробежалось. Фальшивит – сил нет. Ну и репертуар, само собой, вполне моменту соответствует:

Не кладите меня в проме-о-орзшую землю,
Подождите весны, закопа-а-а-ете в грязь,
А пока – я прошу,
Вы оставьте мое бездыха-а-анное тело в придорожном снегу,
И на до-о-олгую память пальните в небо пять раз…

Тем не менее, уснул я почти мгновенно. Вот тебе и бодрень…

Глава 4

– Лед! Лед!

– Чего?! – встрепенувшись, мгновенно проснулся я. – Че случилось?

– Пора нам, – подхвативший рюкзак Шурик Ермолов откинул полог и выпрыгнул из кузова.

Ничего понять не могу – где мы, сколько времени… Ясно только, что ночь. На улице темень, ни огонечка кругом, ни звездочки. Пограничники, те в большинстве своем еще дрыхнут, а мы-то чего подорвались?

– Давай, короче, и так из-за нас крюк сделали, – прошипел заглянувший под тент Ермолов и выхватил у меня из рук лыжи. – Шевелись.

Передав ему свой рюкзак и патронташ, я закинул на плечо чехол с ружьем и спрыгнул из машины на снег. «Урал» тут же заурчал мотором и, выпустив из выхлопной трубы струю вонючего дыма, покатил по дороге.

Черт, холодно-то как! Ладно еще на свежем воздухе мозги немного прочистились.

– Где мы вообще? – заозирался я по сторонам, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь ориентир. Тщетно – темнотища стоит, будто не только солнце, но и луну со звездами до кучи крокодил проглотил. Такое впечатление, нас посреди чистого поля высадили, а дальше, ребяты, как хочете, так и доби-

райтесь. И как разобраться, куда идти?

– Вон тот лес видишь? – Шурик закончил прилаживать лыжи на ботинки. – Сразу за ним Граница проходит. До утра в Ледяной избе переждем, а как рассветет, дальше двинем.

Приглядевшись, я действительно различил едва заметную темную полосу недалекого леса. Уже легче – тут всего ничего осталось.

– Давай в темпе, – вновь поторопил меня Шурик, – еще не хватало на рейнджеров нарваться. До Лудина рукой подать.

– Обожди, – остановил его я, закрепляя на валенках ремни лыж, и размеренно задышал, привыкая к накатывающим с севера рассеянным волнам энергии. Блин, как здорово было, когда я их вовсе не замечал! Один геморрой от новых способностей. – Осмотрюсь для начала и двинем.

Свежий воздух окончательно прочистил мозги и выгнал из них ватную хмарь сна, так что у меня хватило ума не переть к лесу наобум, а сперва окинуть окрестности колдовским взором. И, судя по едва различимому зеленоватому свечению снега прямо между нами и лесом, там затаилась какая-то дрянь. Может, колония изморозь-грибов расплодилась, может, снежные черви гнезда устроили.

– Крюк придется делать, – открыв глаза, заявил я доставшему какую-то деревянную шкатулку Ермолову. – Напрямик нельзя, там засада.

– Учтем. – Шурик откинул крышку шкатулки и пристально всмотрелся в хрустальный шар размером с некрупный

мандарин. – Да, елки-моталки! Жопий глаз чертов! Ни хрена не видно!

– Это чего еще такое? – Я заглянул ему через плечо и с удивлением увидел, как зеленоватые огоньки в глубине хрустального шара сложились в карту, на которой мигала одинокая алая точка. Мелькавшие по краям карты цифры мне ни о чем не говорили, а вот жирный зеленый крест, помеченный литерами «с» и «Л», не мог быть ничем иным, кроме как селом Лудино. – Спутниковый навигатор, что ли?

– Какой спутниковый?! С дуба рухнул? – потряс хрустальный шар Шурик. – Магический. В Гимназии какая-то умная голова аппарат придумала, а наши подсуетились. Данные для карты предоставили, маяков понатыкали. Теперь вот пользуемся.

– Сколько стоит? – заинтересовался я.

– Не знаю, это служебный. Блин, только зрение портить, – пожаловался Ермолов. – Ладно, примерно понятно, куда нам теперь двигать. Где, говоришь, опасный участок?

– Пятно метров полтораста в диаметре прямо по курсу. – Я посмотрел на темное небо, затянутое низкими тучами, и невольно поежился: показалось или на самом деле бледно-голубые отблески зарницы на горизонте полыхнули? Не к добру это.

– Ясненько. – Вытащенным из коробки свинцовым стилом Шурик очертил по поверхности хрустального шара неровную окружность, и она засветилась мягким оранжевым сия-

нием. – Чтоб случайно не влезть.

– Слушай, а засечь нас по этому чуду не смогут? – забеспокоился я, когда Ермолов закрыл коробочку и повесил ее себе на шею.

– Не, она только на прием работает. Да и экранирована. Все, покатились.

– Погоди!

– Чего? – обернулся на меня Ермолов.

– Слышишь? – немного наклонил я голову и оттянул ухо меховой шапки.

– Что еще?

– Вроде волк воет.

– Ну и пусть воет. – И Ермолов побежал к лесу.

Пробираться по занесенному снегом полю, пусть даже и на широких охотничьих лыжах, оказалось удовольствием ниже среднего. Мало того, что пот ручьем льет, так еще и отключиться и тупо переставлять ноги нельзя: вынырнет из сугроба кикимора или ноябрьский пластун и поминай как звали. А еще ведь и внутренним взором надо дорогу проверять, чтобы в гиблое место не забрести. Пусть посреди чистого поля они и нечасто попадаются, но кто знает, какие развалины могло снегом запорошить?

Без происшествий нам повезло пройти примерно три четверти пути, а потом Шурик неожиданно остановился и, взглянув на хрустальный шар, вновь закрыл коробочку.

– Ничего не чувствуешь? – принюхался он.

– Севером пахнет, – сообразил вдруг я, несколько раз глубоко втянув в себя морозный воздух. – Приплыли…

– Да прям уж, – остался совершенно спокойным Ермолов и, ссутулившись, отвернулся от усилившегося ветра. – Думаешь, не успеем до леса дойти?

– Нет, давай окапываться, – помотал головой я, чувствуя, как начинает закладывать уши. – Буря вот-вот накроет.

– Дикая охота. Принесла нелегкая, – всматриваясь в полыхавшие над лесом синеватые отблески разрядов, выругался здоровяк, но висевшую в петле на поясе саперную лопатку доставать не стал.

– Че тупишь? Давай окапываться, занесет же! – дернул его я. – Пока защитным кругом займусь.

– Да не суетись ты! – Ермолов выудил из внутреннего кармана мобильный телефон, вставил аккумулятор и принялся лихорадочно жать кнопки. – Ща все будет.

– Совсем, что ли, сбрендил?! – перекрывая свист ветра, который нес острые как стекло крупинки снега, заорал я. – На небо звонить собрался?! Спасите наши души?!

– Все, поехали, – убрав телефон в карман, подышал на застывшие на морозе пальцы Шурик. – Шевелись, говорю, заряда надолго не хватит, надо успеть до леса добраться.

– Ты чего сделал-то? – поинтересовался я. Ничего не понимаю: такое впечатление, мы в самой середине урагана оказались. Вокруг ветер так и ревет, а у нас тишина такая стоит, что слышно, как снег под лыжами скрипит.

– Это не телефон, а чарофон. Я «Сердце бури» активировал, – тяжело дыша, отозвался Шурик. Он обеспокоенно вжал в голову в плечи из-за сверкнувшего поблизости ярко-синего разряда молнии. – Вообще в него десятка полтора-два разных заклинаний зашито. Аккумулятор, правда, хрустальный, карат на тридцать всего. Надолго не хватает.

– Где надыбал? – Я чуть не свернул в сторону от несшейся навстречу стены снега. В лазурных отблесках близких молний вихри вьюги на какие-то доли мгновенья принимали облик летевших над землей адских созданий, и пространство вокруг нас буквально трещало от переполнявшей его магической энергии. Аж мурашки по коже – первый раз колдовской шторм с такого расстояния наблюдаю.

– А с твоих денег и купил. – Шурик едва удержался, чтобы не выпустить очередь в оседлавшее крылатого коня трехрогое чудовище, но то просто разлетелось на облако исчезнувших во тьме снежинок. – Добавить, правда, пришлось…

– Кто их клепает-то? – тяжело оперся я на лыжные палки, когда мы наконец добежали до деревьев и напор магической вьюги немного стих.

– Без понятия. Торгаши не сознаются. – Ермолов проверил чарофон, потом хрустальный шар навигатора и повернулся ко мне. – Позырь, чисто впереди, нет?

– Издеваешься? – возмутился я. – Да сейчас колдовским зрением смотреть все равно, что на фейерверк в прибор ночного видения любоваться. Ослепну на хрен.

– Ладно, так пойдем, не впервой, – махнул рукой Шурик и, стряхнув рукой набившийся между воротником и шарфом снег, начал медленно пробираться меж деревьев. – Прикрывай.

– Обязательно, – хмыкнул я и покатил следом.

– Стой! – почти сразу замер здоровяк и принялся забирать влево. – На ежовник не напорись, вон лиана протянулась.

– Вижу, – отозвался я и неожиданно заметил, как отблеск лазурной молнии тоненькой нитью умчался в глубь леса. – Замри!

– Чего? – моментально остановившись, тихонько спросил Ермолов, даже не повернув в мою сторону головы.

– На девять часов гнездо паука-полуночника. Нижние паутины прямо перед тобой тянутся.

– Понял. Медленно отходим.

– Может, пальнем?

– На фига? Патроны не казенные. Давай обходить.

Осторожно поднырнув под почти прозрачную нить, которая вполне могла рассечь неосторожного человека надвое, мы выбрались к густому ельнику и поспешили прочь от опасного места. Нам удалось прилично углубиться по полузанесенной снегом охотничьей лыжне в лес, когда заслышавший пронзительное пиликанье Шурик сунул руку в карман полушубка.

– Блин, заряд садится! – выругался он, уставившись на потускневший экран. – Сейчас вырубится. Придется запасной

аккумулятор ставить.

– Стесняюсь спросить, заклинание сразу исчезнет или какое-то время еще продержится? – забеспокоился я.

– Сразу. – Ермолов достал запасной аккумулятор и несколько раз дыхнул на золотые клеммы. – Да ладно, буря уже дальше ушла.

– Какой ты умный, – съязвил я, настороженно поглядывая на иглы ближайших елок, кончики которых нет-нет, да и искрились призрачными голубоватыми блестками. – Здесь энергии сейчас разлито – жуть. Из-за разницы потенциалов по разряду точно схлопочем.

– И что делать? – с опаской поглядел на мигающий экран чарофона Шурик.

– Стой на месте, – подойдя к нему вплотную, я попытался на манер Хозяина скрутить и вывернуть наизнанку пространство. Голова закружилась, в крови забурлила магическая энергия, но когда отключился чарофон, у меня лишь кольнуло сердце, да на плечи словно опустили пару мешков с цементом. От непривычной нагрузки перед глазами все расплывалось и казалось немного искаженным, а цвета и вовсе пропали, оставив лишь различные оттенки тьмы. Ничего – главное, мы из магического поля вывалились.

– Ты чего? – глянул мне в глаза Ермолов. – Плохо, что ли?

– Да уж хорошего мало, – широко открывая рот, глотнул я воздуха и начал медленно распутывать накрученный вокруг нас клубок магических полей. Осторожно дергая за кончики

силовых линий, я далеко не с первой попытки смог ослабить защиту именно в той степени, в которой это было необходимо. Все, дальше сама развеиваться будет.

– Слушай, а чего темно-то так? – удивленно закрутил головой по сторонам Шурик.

– Не дергайся ты! – шикнул на него я, проверяя проделанную работу. Да нет, все в порядке – потенциалы должны к утру выровняться. – Далеко еще до избушки? А то как бы тебе меня на закорках волочь не пришлось.

– Не, ты давай держись, – принял мои слова близко к сердцу Шурик. – Тут совсем ничего осталось. Думаю, и версты не будет.

Так оно и оказалось. Вот только когда мы наконец добрались до поляны с Ледяной избушкой, меня уже шатало от усталости, а онемевшая по локоть правая рука горела огнем. Еще и голова словно чугунная. Да и зрение толком не восстановилось – не вижу ни хрена. Нет, если к чему-нибудь конкретному присмотрюсь – все нормально, а стоит немного расслабиться, окружающие предметы моментально в серые пятна расплываются.

– Погодь, – остановился Шурик и внимательно осмотрел дом, который с моего последнего сюда визита ни капельки не изменился. Даже на закрывающей одно из окон доске пулевые отверстия виднеются. – Есть там кто-то.

– Ага, дымом тянет, – принюхался я.

– И дымом тоже. – Ермолов сбросил рюкзаки на снег, снял

лыжи и перехватил АКМ. – Иди к дому, я прикрою.

Воткнув лыжные палки в снег, я освободил валенки от лыжных креплений и, проверив «Тайгу», начал осторожно подбираться к избе. И не абы как, а стараясь держаться подальше от двери и окон.

Черт, чего ж так снег громко скрипит! Как бы мне таким макаром всех не перебудить. Одна надежда – случайные люди сюда не забредают, а с неслучайными нам делить нечего. Только бы от неожиданности друг друга не перестрелять.

Добравшись до бревенчатой стены, я перевел дух и начал по часовой стрелке обходить избушку. Доберусь до двери, а там уже…

– Ружье брось, – посоветовал мне раздавшийся за спиной спокойный голос уверенного в себе человека.

Немного поколебавшись, больше для того, чтобы дать время оценить ситуацию Ермолову, я медленно развел руки в стороны, но «Тайгу» все же кидать в снег не стал.

– Не дури, Слава, убери волыну, – не менее спокойно заявил Ермолов. – Или не признал?

Я медленно обернулся и посмотрел на уже перекинувшего через плечо ремень ППШ Славу Зверева – скупщика из Лудина, через которого в свое время мы сбывали большую часть найденных на Севере вещиц. Да уж, хорошее было времечко…

– Теперь признал, – буркнул Слава и кивнул на дверь избы. – Пошли, что ли?

– Один? – поинтересовался, прежде чем переступить порог, Ермолов.

– Один. – Пропустив нас вперед, Слава плотно притворил дверь. – Располагайтесь.

– Ого! Да тут и ужин готов! Это мы удачно зашли, – обрадовался Шурик, в неровном свете свечи углядевший замоченную в котелке картошку.

– Тебе лишь бы пожрать, – хмыкнул явно не шибко обрадованный нашим появлением Слава.

– Можно подумать, ты у нас святым духом питаешься, – фыркнул в ответ Шурик и, встретившись со мной взглядом, глазами указал на потолок.

Я на мгновение сосредоточился и отрицательно покачал головой. Нет на чердаке никого. И под полом только мыши притаились. У меня сейчас способности на подъеме, схоронившихся людей сразу бы учуял.

– Шур, ты… – сняв шапку-ушанку, собрался было напомнить я про оставшиеся в лесу рюкзаки, но понявший меня с полуслова Ермолов лишь отрицательно помотал головой. Подхватив котелок с картошкой, он вышел на крыльцо и выплеснул зеленоватую воду в снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.